№ 126 31 октября 2026

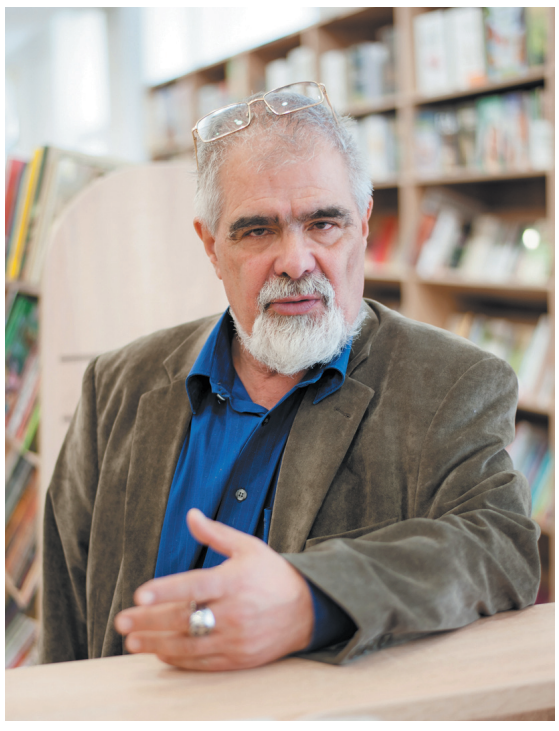
16+

Книжная Лавка Писателей

Ежемесячная газета Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России

колонка главного редактора

С Днём Отца!

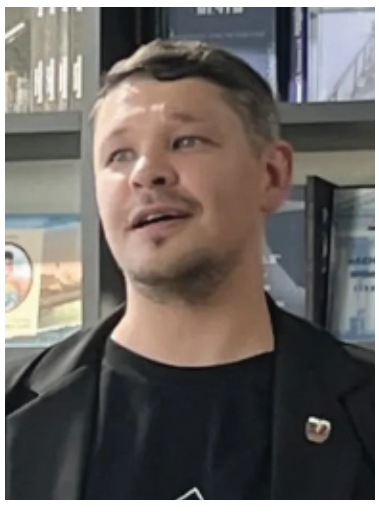
Этот номер как-то сам собой, без специальных усилий, получился очень «мужским». В нём представлено много материалов о писателях — участниках СВО и их творчества. А вторая сквозная тема номера — День отца. В этом году такой День выпал на 18 октября. Хорошо, что в календаре теперь есть такой день. Советская цивилизация получилась такой...с некоторым матриархальным уклоном. Мужчины ведь существа... неудобные для начальства. Вечно они что-то придумывают, изобретают, предлагают, внедряют... и вообще слишком самостоятельны.

Давно замечали — то ехидно, то почти с ужасом — мальчики постоянно оказывались под руководством почти исключительно женщин. А кто — воспитатели в детском саду?! 80-90% школьных учителей?! В СССР в 9-10 классах один мальчик приходился на 2-3 девочки. Непослушные, «неуправляемые» мальчики шли в ПТУ и в техникумы. Они становились «простыми рабочими», а послушные, конформные девочки трудились в отделах кадров, бухгалтериях и администрациях.

В одном рассказе для подростков мальчик то изобретал особый клей, и сам же приклеивался к потолку. Девочки его долго отклеивали. В другом рассказе мальчики готовили торт на день рождения любимой учительницы. Они вообразили, что могут это сделать без девочек и, конечно же, пекли нечто совершенно несъедобное. Да потом этот торт еще роняли и ложками соскребали с асфальта. Оба рассказа получились веселые, смешные, но мораль-то понятна: без девочек мальчикам нет спасения. Так вот мальчиков и воспитывали, а потом наивные люди удивляются, что всем плохо. Что мужчины то спиваются, то становятся до отвращения женоподобными. Что женщины во множестве семей становятся лидерами, а потом сами же стонут: «я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик».

В общем, матриархальный перекос никого не сделал счастливее.

Мы печатаем статьи и рассказы женщин об их отцах. Надеемся, что внесем свой, пусть очень скромный, вклад в исправление одной из язв нашей цивилизации, в гендерный «перекос».

Заметки Глеба Миротворова о Рыбинске, поэте Александре Рыжкове и его творчестве.

▸ Стр. 3

В октябре мы отмечаем 90-летия поэта, прозаика, литературоведа, члена Высшего творческого совета СПР Ирэны Андреевны Сергеевой.

▸ Стр. 5

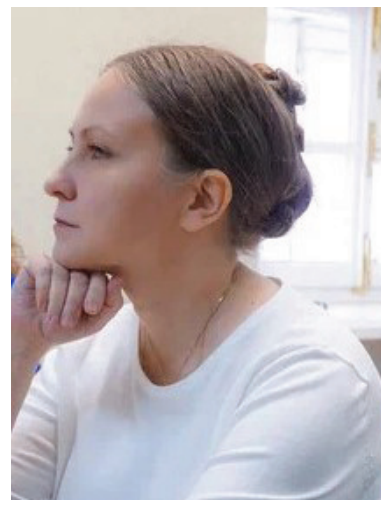
Татьяну Берцеву знают в основном по ее книге о парке Лесного института. В этом номере мы публикуем лиричный рассказ Татьяны Берцевой об отце

▸ Стр. 6–7

Представляем начинающего писателя, участника СВО Александра Доброго. Печатаем его эссе, но вообще-то у Саши состоялась книга, и готовится другая.

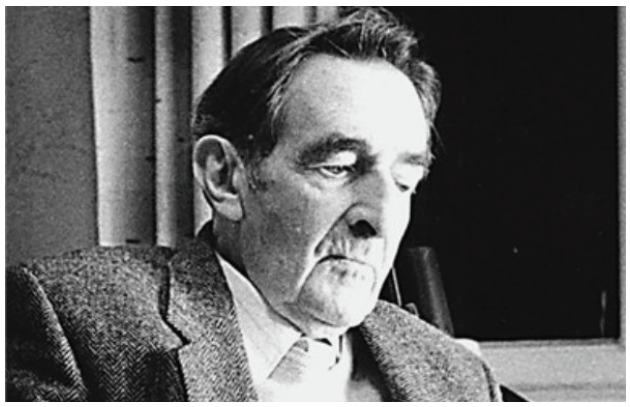
▸ Стр. 9

Светлана Горбовская делится воспоминаниями об её отце.

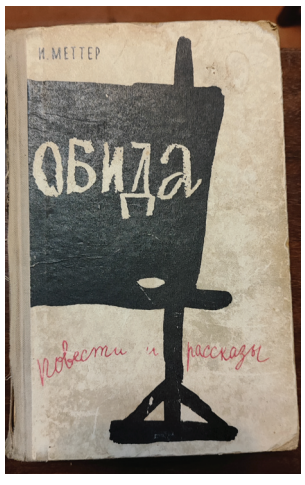
▸ Стр. 13

Памяти доброго писателя

Израиля Моисеевича Меттера (1909-1996) Википедия называет русским советским писателем. Сам Израиль Моисеевич, скорее всего, согласился бы с тем, что он советский, но вряд ли назвал бы себя русским. Точнее было бы назвать его русскоязычным советским евреем.

Родился в Харькове, в семье владельца макаронной фабрики. Учился в гимназии, которую создала еврейская просветительская организация Тарбут. Учили в ней на иврите. Обе жены — еврейского происхождения. Похоронен на Преображенском еврейском кладбище.

А вот советским Израиль Меттер был! Его путь довольно типичен для этого поколения: работа на производстве, монтером — труд рабочего воспринимался эдак возвышенно, как «самый прогрессивный». Учился на физико-математическом факультете в Харьковском Институте народного образования: готовился и просвещать, и познавать точные науки, основу общественного производства. Переехав в 1929 году в Ленинград, преподавал в школе математику.

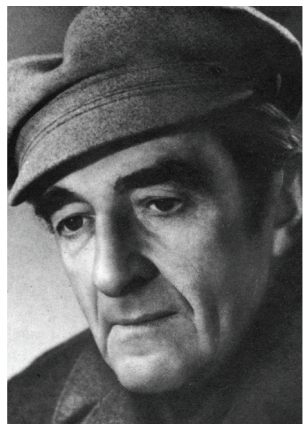
К тому времени он уже начал писать, и не прекращал до конца жизни, став автором более чем 200 рассказов, повестей, пьес, сценариев. Романы как-то не получались, хотя многие рассказы и повести словно оборваны...Порой на самом интересном месте.

Сейчас Меттер почти забыт — он не стал эпохой в русской словесности, классиком. Не вошел в учебники, почти не упоминается в исследованиях. Но был он популярен не меньше Шефнера или Шалимова. Около 30 опубликованных книг, пять экранизаций повестей. Самую известную повесть, «Мухтар», порой вспоминают и сегодня. Как и фильм по повести: «Ко мне, Мухтар!».

Это был хороший писатель, светлый. От чтения Меттера всегда появляется какое-то очень здоровое ощущение чего-то хорошего и «правильного». Автор нес читателю свою веру в далеко не лишенный проблем, но при том разумный, добрый мир.

Далеко не все герои Меттера такие уж замечательные. Со многими из них можно категорически не соглашаться. Как и многие советские писатели, Меттер многовато писал о «среднем», о «рядовом» человеке — и безумно его идеализировал. А рассказы все равно хорошие. Некоторых классиков читать просто опасно: чревато депрессией. Читать Меттера — поднимать настроение; убеждаться, что при всех своих недостатках большинство людей все же хорошие.

Он родился не в Петербурге. Уроженец Юга, он часто отмечал прохладу, порой промозглый холод, влажные ветра Петербурга. Однако в родной Харьков не уехал. Он состоялся как очень петербургский писатель, в рассказах которого оживает повседневная жизнь любимого им Ленинграда. Меттер дожил до панельных домов, горячей воды, центрального отопления, электричества... Но у него, как и у Шефнера, оживает город 1950-х — начала 1960-х: убор-

ная во дворе, а если в доме — то ледяная, как могила. Керосиновые лампы, полутемные парадные, рукомойники, печки с дровами, почти полное отсутствие частных автомобилей...

Меттер прожил в Петербурге всю свою сознательную жизнь, и ушел из него ровно 30 лет назад — 5 октября 1996 года. Душевно здоровый, цельный и добрый, Израиль Моисеевич заслуживает нашей памяти.

Израиля Моисеевича стоит читать — и для того, чтобы увидеть наш город таким, каким он был 70-80 лет назад. И чтобы прикоснуться к хорошей, жизнеутверждающей литературе.

Миша Андреев

Цитата месяца

“Делись со мною тем, что знаешь;
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чёрт душа твоя!”

Михаил Лермонтов

«Добрая бабушка» Дома творчества писателей

Юлия Медведева

«Со мной Анна Андреевна всегда держалась просто, тон ее был ровно дружеским, а помню я ее даже и домашне ласковой, «доброй бабушкой», — вспоминала литературный секретарь Ахматовой Ника Глен.

Именно такой, приветливой и «свойской», можно было застать королеву Серебряного века на выставке «Ты сбежала сюда с портрета...», которая открылась 29 августа в комаровском Доме творчества писателей. Непарадные портреты сделаны в 12-м номере, где любила останавливаться Ахматова, более полувека назад. Анна Андреевна в кругу друзей: Ирина Пунина, Любовь Стенич, Павел Лукницкий... Незачем было «королевиться», надевать маску неприступности, служившей защитой от внешнего мира.

Глядя на эти снимки, невозможно было сделать выставку формальной и сухой. Фотографии на мольбертах расставили прямо на лужайке перед окнами 12-го номера, где обычно останавливалась Анна Андреевна. Фон для них создали из уютных хвойников и пышной гортензии (спасибо компании

Валерий Попов

Увы, Ахматовой нечасто приходилось быть в благостном настроении. Ей было от чего защищаться: цензура, исключения из Союза писателей, аресты мужа, Николая Пунина, и сына, Льва Гумилева — после которых она жгла архивы, чтобы письмами и стихами, в которых позволяла себе откровенность, не навредить близким. Однако был человек, который бережно хранил ее вещи, письма, воспоминания — Павел Лукницкий.

«Живой север»). На круглом столике (похожий стоял в ахматовском номере) поместили лампу и часы из 60-х: не просто милые ретро-детали, но также символ времени и света (фотография — «рисование светом»), способного

«В январе 1962 года Ахматова постучалась в номер, где остановился Лукницкий, и сказала: "Я пришла к вам за своим прошлым", — рассказала Ольга Медведко, председатель Гумилевского общества (именно из ее архива и были представлены уникальные фотографии). — Еще со студенческих времен, начав заниматься биографией Николая Гумилева, Лукницкий познакомился с Анной Андреевной и детально записывал свои беседы с ней. И когда она уезжала в эвакуацию, то отдала ему на хранение свои вещи. Так что Павел Николаевич и летописец, и подвижник, и хранитель, и своим трудом сохранил для нас все, что касается Гумилева и Ахматовой».

Предположительно, Лукницкий и сфотографировал тогда Ахматову в Доме творчества, а также машинописные листы «Поэмы без героя» с правками, которые она вносила своей рукой (эти снимки тоже экспонировались). Над поэмой велась работа более двадцати лет, а опубликована она была лишь после смерти автора, в 80-е годы. Легендарная поэма своей строкой дала название выставки «Ты сбежала сюда с портрета».

После открытия выставки в лектории Дома творчества проводились мероприятия, посвященные 15-летию Гумилевского общества, сохраняющего творческое наследие великого поэта; лауреаты конкурса им. Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» и премии им. А.А. Ахматовой читали стихи, и звучала чакона Баха («Полно мне леденеть от страха, лучше кликну чакону Баха...» — А.Ахматова «Поэма без героя»)

Все портреты Анны Ахматовой, представленные на выставке, останутся в Комарово — их можно будет увидеть в лектории, в холле Дома творчества и постояльцам в знаменитом 12-м номере.

Юлия Медведева, куратор выставки

Фото Ольги Суменко

Сад, где рождаются стихи

Кончается лето, которого на самом деле почти и не было. Короткое пришествие тепла сопровождалось лишь едва заметным изменением цвета порхающих бабочек: вместо белых запорхали вдруг бледно-желтые. «Загорели!» — грустно шутили мы. И вдруг, 22 августа, на исходе лета, когда уже облетает листва, в комаровском Доме Творчества Писателей, за реконструкцией которого мы заинтересованно наблюдаем, вдруг появился роскошный южный сад, с огромными экзотическими цветами, на которые — это уже сродни чуду — вдруг налетели яркие бабочки, невиданные раньше здесь и непонятно откуда взявшиеся.

Как же это произошло? Как это часто бывает у нас, все началось с разрухи. Домом Творчества Писателей долгое время владели безответственные люди с липовыми документами, которых не выгоняли лишь потому, что опустевший дом стал бы разрушаться еще быстрее, чем при этих псевдохозяевах, хотя и при них он разрушался стремительно, поскольку заработанные в нем деньги исчезали в тумане. «Как же такое могло быть?» -сокрушаемся теперь мы. Но почему — то такое случается у нас, сплошь и рядом. Но, наконец, после всех штормов и скитаний Дом Творчества в Комарово возвращен писателям, что вполне закономерно, поскольку именно на доходы с продажи их книг он и был когда-то построен. Но теперь этих доходов нет. Точнее, они есть, но почему-то мы ими не распоряжаемся. К счастью, и среди сильных мира сего, преуспевающих в наше время, нашлись не равнодушные, любящие не только материальное, но и духовное. И вот — в номерах комаровского дома творчества снова можно жить и работать, в чем убедился я, проработав здесь всю весну и закончив очередную свою книгу — «Мы ленинградская пыль». А летом здесь все расцвело пышно, богаче, чем было раньше, мы оказались не в прошлом, а в настоящем, на наших аллеях теперь полно красивых молодых ребят, которых привлекает пока что

Открытие сада

наше пространство, которое ценится в Комарово очень высоко. Теперь надо, чтобы они оценили и нас, современных писателей. и осознали, чей это дом. На открытии дивного сада, выросшего на месте давней «заброшки» в захламленном прежде углу нашей территории выступали молодые топ — менеджеры компании « Живой Север», соорудившие этот сад, наряду с другими своими проектами. Говорили и мы. Выступили старожилы Дома Творчества поэты Лаэрт Добровольский и Вячеслав Андреев, и прозвучали стихи и воспоминания -- о том, что здесь раньше было, и что должно быть здесь всегда. Выступил и я, сказав, что. появление этого сада здесь удивительно своевременно, поскольку сейчас идет Лихачевский фестиваль, посвященный в этом году его книге «Поэзия садов». Сады не только радуют взор, но и рождают поэзию. А вот за это уже отвечаем мы. Бабочки улетят, а мы тут останемся, чтобы творить.

Валерий Попов

Фото Ольги Суменко

Рыбинск-городок — Петербурга уголок

«Рыбинск-городок — Петербурга уголок» — поговорка середины XIX века. Она была широко распространена в Рыбинске. Сегодня стоит к ней вернуться. Если Санкт-Петербург — Северная столица, то Рыбинск — Литературный город России, и это официальное звание, полученное городом в августе 2022г.

Параллелей действительно много: это и квартальное деление улиц, и улица Крестовая — рыбинский Невский. Старая Хлебная (Лоцманская) биржа в Рыбинске построена в стиле строгого классицизма, как и биржа в Санкт-Петербурге, а местный Спасо-Преображенский собор построен по проекту, который занял второе место при строительстве Исаакиевского собора.

Даже Карл Иванович Росси отметился в Рыбинске, он создал проект здания, в котором располагалась гостиница «Столбы». В ней останавливались значимые писатели, такие как Островский, Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Куприн и другие. Именно в этом старинном здании наш гость, поэт из Рыбинска Александр Рыжков создал первый в Рыбинске Литературный музей, а впоследствии с партнёрами запустил гастрономическую площадку со сценой для поэтических и музыкальных вечеров. В городе усилиями Союза писателей России сегодня создана крупная литературная ин-

фраструктура, включающая в себя литературно-туристические маршруты и крупные литературные фестивали на протяжении всего года.

На прошедшей 12 сентября встрече в Книжной Лавке, Александр презентовал свои книги: «Адресаты» от Издательства «Медиарост» и малую книгу стихов из серии "Сингл" от Издательства «СТиХИ», также автор прочитал и новые свои произведения.

Вот некоторые работы, автора, которые особенно тепло были встречены публикой:

***

От Бога бежал, но покорно молился,
Сжимая в ладони чернеющий крест.
Менял адреса, пропадать научился
Игрок в дурака, собиратель невест.

Чем дальше петляли хромые дороги,
Тем реже встречал верстовые столбы.
Когда-то ватагой здесь шли скоморохи,
И песни роняли из медной трубы...

Чем чаще искал у гадалок ответы,
Тем меньше случалось искомых чудес.
Выдумывал сам прописные заветы
Мудрец подворотен, безумец небес.

От Бога бежал, но покорно молился,
Сжимая в ладони чернеющий крест.
Но снова в начало пути провалился
Сквозь омут, кругами протоптанных мест...

***

Мне облако напомнило Россию,
Бок о бок — Крым, Калининград и Кольский.
Умом гражданским я едва осилю
Рассказ небесный, близкий, философский.

А вдалеке дожди, стянулись тучи,
Бомбили горизонт разряды молний.
Тревожно стало, воздух стал тягучим,
И рикошетил гром от колокольни.

Народ раскрыл зонты, прибавил шагу,
Лукавый побежал туда, где сухо,
В чужой подъезд, в ближайшую общагу,
Где колокольный гром не режет ухо.

Мой путь иной — держаться против ветра.
Нас много — мы идем одной дорогой!
Ведь дождевого фронта километры
Крамольно расползлись стеной широкой.

Не сильно мочит, но поганый ветер
Доносит морось, приближая холод.
Под ледяным дождем, промокли дети,
У края сферы небосвод расколот.

За облаком моим виднелось солнце.
Границу очертив свечным ажуром,
Лучи попали в списки Миротворца
За теплый свет на этом небе хмуром.

Не часто, но случается такое,
Меняют ветры вектор дуновений,
И радугой небесного покоя
Нам оставляют бремя размышлений...

***

Когда клубок мотаю по стране,
Москва мне представляется вокзалом.
Не чувствуя себя провинциалом,
Иду не глядя — всё знакомо мне.

Неполный час и пара пересадок,
Казалось бы, простая часть пути,
Но как по кольцевой ты не крутись,
Московский час оставит отпечаток.

Итоги первой половины дня —
Проделана дорога до столицы,
Прочитаны билетные страницы,
В дальнейший путь зовущие меня.

Хватает дня добраться до Урала.
Не хватит жизни написать строку,
Подобную прощальному платку,
Парящему над суетой вокзала.

Кроме книг, Александр представил ещё книжную серию «ПодбоРКа» от рыбинского издательства «РК», в которой он является главным редактором. Книги выполнены в оригинальном карманном формате сотового телефона. При развороте создаётся уникальное ощущение, переписки с автором серии. В издании много скрытых интересных деталей, поэтому книгу хочется брать с собой и перечитывать. Все книги теперь можно приобрести у нас в Книжной лавке писателей.

Мы и дальше продолжим расширять поэтическую географию наших мероприятий. Ведь, как говорит наш сегодняшний автор:

«Рыбинск-городок — Петербурга уголок», но дело здесь не в квартальном делении улиц, а в людях, которые вдохновляются своими городами».

Глеб Миротворов

Таджикистан, Сирия Африка... далее — везде

К сожалению, имя Олега Булычева известно мало — что глубоко несправедливо. Это по-настоящему хороший, интересный писатель. На самом деле его зовут Олег Анатольевич Космычев. Потомственный военный: родился 31 марта 1968 г. в семье лётчика. Учился в военном училище и стал военным летчиком.

Для начала попал в Таджикистан: Россия помогала законному правительству удержаться против радикальных исламистов. Еще в 1990-е я много слышал о войне «юрчиков» и «вовчиков», — и от военных, и от беженцев. А Олег Анатольевич находился в самой гуще событий, в 1993-1996 годах.

После увольнения в запас Олег работал там же, в Таджикистане, в строительных организациях, на разных объектах. О том, как он начал писать, пусть расскажет сам. Для этого я нагло похищу куски интервью с Олегом Булычевым, данное им Александру Смирнову:

— Вы даже не поверите, когда узнаете, кто первым заметил во мне способность писать художественную прозу. В 2011 году мне довелось взять интервью у посла США в Таджикистане Кеннета Ю. Гросса.

В то время я входил в группу русскоязычных журналистов агентства «Авеста». Не каждый день беседуешь с послами, и это считается журналистской удачей. Выбор пал на меня, так как я был знаком с разговорным английским и частично с языком фарси.

По итогам интервью вышла статья «Таджикистан привлекателен с многих точек зрения». После выдержанной паузы, в 2012 г., на другой площадке я разместил свою публикацию «Таджикистанский филиал ЦРУ», в которой выступал против строительства американского военного «тренинг-центра». Статья сработала так, как и было запланировано. Через редакцию издания меня пригласили в американское посольство и там, намекнув на некорректность подачи информации, посоветовали писать художественную прозу. Идея мне понравилась.

С 2010 года Космычев-Булычев опубликовал такие рассказы и статьи, как «Таджикистанский филиал ЦРУ», «Авиация», «Майор», «Достойный ответ Русту», «Хижина Дяди Юры», «Кухонный лев», «Сколько в Душанбе БОМЖей», «Солдат ребенка не обидит», «Скрытая угроза Таджикистану». В Таджикистане, в издательстве «Истеъдод» издана книга «Экипаж», потом вторая — «Будни бывшего капитана».

Опять цитирую Олега Космычева: *«Мои сослуживцы с восторгом читали о самих себе и взяли с меня слово писать дальше. Герой России (посмертно), мой друг, полковник Евгений Бровко так охарактеризовал прочитанное: “Вечером налил кофе и стал читать твою книгу. Утром, закрыв книгу, понял, что к кофе я даже не прикоснулся”. Полковник Бровко погиб на специальной военной операции. Подаренная им ручка Parker — напоминание о том, что, если у тебя есть возможность и право писать, ты обязан это делать».*

За книгу «Остаться на высоте» получил Международную литературную премию им. Н. В. Гоголя.

Опять цитата: *«Умные» люди от литературы говорили, что читателю сейчас нужна «чернуха». Прапорщик, пропивающий носки солдат, или глупый генерал, пославший ребят со штыкножами на танки «Абрамс», — вот, мол, герои современной военной прозы. Я послал советчиков далеко, и книга вышла в том виде, в котором я ее задумал. Книгу издали, и она была подана на гоголевскую литературную премию. Как результат — призовое место в этом достойном конкурсе».*

После Таджикистана были Югославия, Сирия, Африка, СВО. Среди наград — орден Мужества, медаль «За отвагу», «Белый окопный крест». Ветеран боевых действий живет в Ленинградской области, активист Тосненского «Боевого братства». И пишет, пишет, пишет...

Несмотря на «отмеченность» премией, «Остаться на высоте» мало известна. Сборник рассказов «Негр в лодке» выпущена на средства автора, тиражом... 50 экз. Автор раздарил эту книгу членам «Боевого братства».

Самые известные работы Олега Булычева «Лай африканской лисицы» и «Русский крокодил в Африке». В «Крокодила...» вошли ранние произведения, выходившие еще в Таджикистане.

В обоих названиях — Африка, но уже в «Лае африканской лисицы» из 208 страниц действие разворачивается на 40% текста. 50% — Таджикистан, а примерно 10% — это художественные произведения, рассказы, и их действие разворачивается в СССР.

В «Русском крокодиле в Африке» «Африканского еще меньше», а «таджикистанская тематика» — это художественное осмысление того, что видел автор в этой южной стране, осколке Советского Союза. В каждом сборнике — и эссе, и новеллы, и рассказы, и публицистика...

Творчество Булычева я позволю себе разделить на три неравные части: Африка и Таджикистан, — описания участника событий. Отдельно стоит художественная литература.

Первые две части...Очень трудно определить жанр. Это не военная корреспонденция — порой бывает трудно понять, где именно разворачиваются события. Нет описаний движения конкретных частей, генеральских решений и операций. Военная проза? Но и война предстаёт не столько сражениями, сколько бытом. Это не географическая литература: слишком мало описаны природа и люди далеких стран.

Автор рассказывает, что «Лай африканской лисицы» он «писал в Тоголезской Республике в Западной Африке. Тема — российские бойцы и специалисты в Африке как наследники традиций дедов, приходивших в СССР на помощь аборигенам Черного континента».

Но пойди пойми из текста, что это именно Того. И герои Булычева, взлетая над саванной, думают не о том, что они продолжают традиции дедов, а про жару и про то, что надо включить, отодвинуть, расчехлить, отогнать.

***

Короткие рассказы-зарисовки про Африку — это взгляд россиянина на далекий и почти не известный нам континент. Отбросим статистические данные о количестве произведенного пальмового масла и добытой меди... Отбросим информацию о численности населения. Количестве коз и коров... И окажется — мы толком вообще не знаем, как живут в Африке люди. Хотя бы про то, что им вовсе не охота зарабатывать. Им незачем.

Да-да! Туземцы были хорошие, а колонизаторы плохие, это нам еще в школе рассказали. Что гадкие колонизаторы ограбили хорошую Африку только потому они там бедные.

А Булычев пишет, что сказочная нищета — прямое следствие менталитета африканцев.

Многие темы вообще напрочь табуированы — например, людоедство. А Булычев пишет про спасенного пигмея, которого как раз намеревались употребить в пищу.

Пишет и о том, как российских воинов пытались подставить доблестные «союзники» — хотели, чтобы россияне истребили стадо буйволов — под камеры европейских журналистов. Чтобы те в очередной раз показали, какие русские садисты и мерзавцы: на этот раз очень убедительно.

***

Таджикистан... О нем ведь известно немногим больше, чем про Африку.

Рассказы про Таджикистан создают развёрнутую и раскрытую историю не столько о боевых действиях, сколько о быте и жизни российских военных, их отношениях с разными группами таджиков. В этих невесе-лых историях отражены непростые события начала 90-х в истории страны и ее многонационального народа.

Рассказы про жизнь курсантов в СССР получше многих африканских. Здесь действие разворачивается вокруг курсантов. История об уходе курсанта от военных истребителей особо понравилась.

Элементы художественной прозы есть во многих рассказах, в том числе ранних «Крестик», «Мимино». Особенно пронзителен «Отпуск в Косово».

Книга «Бабушка» запомнилась мне в первую очередь своей добротой.

Андрей Буровский

Наше общение

Студенты Российской Христианской Государственной Академии встретились с писателем Павлом Алексеевым

13 октября в академии прошла творческая встреча с известным современным прозаиком, поэтом и художником П. Е. Алексеевым, организованная доцентом РХГА М. А. Шеленком.

Павел Евгеньевич рассказал, насколько тесно в его творческой жизни переплелись разные виды искусства: живопись, литература, театр и эстрада. Студенты смогли полистать разножанровые книги, где рассказы, стихотворения и афористические тексты сопровождались яркими иллюстрациями, фотографиями и коллажами. Особое артистичное прочтение собственных произведений буквально поразило слушателей.

«Бывают такие встречи... с текстом, когда в живом прочтении другого, в артикуляции, интонации, жесте уже известное слово вдруг открывается совершенно иначе. А когда своё слово озвучивает сам автор — бывает вдвойне удивительно. С Павлом Алексеевым, по-моему, вышла

именно такая встреча. Конечно, были вопросы, но всё это показалось как-то мимо, когда мы увидели проживание автором своих произведений!» — поделился впечатлениями студент 2 курса Семён Розбаум.

Не меньший интерес у публики вызвали рассуждения Алексеева о КВН и о современном состоянии юмора.

Встреча завершилась автограф-сессией

Фотографии Александра Рябкова

Юбилей Ирэны Сергеевой

Этот 2026-й год для петербургской поэтессы , прозаика, переводчика, Ирэны Андреевны Сергеевой — вдвойне юбилейный. 2 октября — ей исполнилось 90 лет, а 3 марта — 50 лет, как ей выписан билет члена Союза писателей СССР. Лауреат литературных премий «Традиция», им. Н. Заболоцкого, Святого благоверного князя Александра Невского, премии «Ладога» и ряда других, действительный член Петровской Академии, награждена государственной наградой — медалью А. С. Пушкина. Родилась в Ленинграде, во время Великой Отечественной войны была с матерью в эвакуации. Окончила Библиотечный институт им. Крупской. Посещала ЛИТО «Нарвская застава». Работала в библиотеках города 23 года, литературным консультантом журнала «Звезда» — 15 лет. Печаталась в периодике, издала более тридцати книг стихов и девять книг прозы, под её редакцией вышли десятки книг коллег, в том числе коллективных сборников — и альманахи «День русской поэзии» и «Северные цветы». Много лет член правления и председатель секции поэзии Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России.

ТРИ ВСТРЕЧИ

(из книги Ирэны Сергеевой «Впечатления»)

Речь ю в рифму принято у нас напитывать детей с самого раннего детства. Моя мама сразу начала читать мне сказки А. С. Пушкина. Самая любимая «Сказка о царе Салтане» сохранилась дома отдельной книгой в издании Сытина. «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...», «В синем небе звезды блещут, в синем море волны хлещут; туча по небу идет, бочка по морю плывет»... Музыка в каждой строке. Повторяешь строки, словно пьёшь из родника. И никакой институт этому не научит. Важно с младенчества не расставаться со стихами.

Человек, воспитанный на прекрасных стихах, вырастает и сам не станет размениваться на подделки. Друзья и родные, зная это стремление, дарили мне книги и редко ошибались в выборе. В эвакуации тётя Клавдия привезла мне в г. Сим из Челябинска сборник «Русские песни, былины, частушки» и тонкую книжку стихов. Эвакуируясь из Ленинграда мы взяли только сказки Пушкина, по ним в пять лет я училась читать. Бумага во время войны на страницы шла газетная, а на обложку — картон или обёрточная. Из картона была обложка у сборника, из оберточной — у стихов. Багровое облако на обложке книжки пронзал штык, название — стихи. Автор Сергей Орлов. Почему именно Челябинск издал С. Орлова? Может быть, он в госпитале там был? Узнала позже: учился в Челябинском танковом училище, выпущен в 1942 году.

Этой книжки Сергея Орлова у меня уже нет. И вот почему. Окончив школу в 16 лет, я стала работать в библиотеке клуба ВМА им. Кирова. И мне в 1954 году надо было провести встречу поэта с читателями-курсантами. Поэт Сергей Орлов — первый «живой» автор на моём пути. Книжку я принесла, потом спросила его, есть ли у него эта первая книжка... Нет! И я подарила. Потом в какой-то статье о Сергее Орлове я прочитала, что у поэта долгое время не было ни одного экземпляра первой книги, пока кто-то не подарил ему её. «Кто-то» — я. Он тогда читал: «Вот человек, он искалечен, в рубцах лицо, но ты гляди...» Смотреть было невыносимо тяжело, больно. У меня хранится книга С. Орлова «Городок» (Москва, «Сов. писатель», 1953). Как видно, я купила её сама и на каком-то выступлении однажды попросила автора подписать. Подпись простая, имя моё написано через «е»: «Ирене Сергеевой от Сергея Орлова с пожеланием счастья в жизни. 16 января 1955г.» Что можно было пожелать мне, девятнадцатилетнему библиотекарю? Свои стихи я прочитала поэту позже, не претендуя на помощь в публикациях. А после, узнав, что я занимаюсь переводами с чешского, поэт предполагал взять их в «Неву», но они не подошли тематически.

Ещё одной хранившейся у нас с довоенных времён книгой «Окно в сад» смогла я порадовать другого автора — Всеволода Александровича Рождественского, подарив ему её. Тогда в апреле 1964 года, участвуя впервые в Конференции молодых писателей Северо-Запада, я оказалась в семинаре, руководимым им и Сергеем Сергеевичем Тхоржевским, который потом неожиданно для меня поместил мои стихи в «Дне поэзии». Так в 1966 году меня впервые опубликовали в этом альманахе. А среди десятка моих стихов, вернувшихся с конференции, я нашла листочек со списком участников семинара. Рядом с моей фамилией Всеволодом Александровичем был поставлен «плюс».

Книга «Окно в сад» — раритет, приведу строки из другой, из стихотворения 1927 года:

Мне не спится.
На Неве смятенье,
Медь волны и рваная заря
Мне не спится — это наводненье...
Двадцать пятый вечер октября.

Мысль глубокая, вполне определённая и, вместе с тем, почти неуловимая... Прекрасное звучание, аллитерация. Эта «рваная заря» — очень ёмкий образ. Поэт начинал как оригинальный мастер.

И, наконец, скажу о третьем поэте и о третьей книге. С Николаем Тихоновым я не сразу лично познакомилась. Из живших тогда поэтов, участников гражданской войны, никто не написал так сильно. В своих лучших книгах «Орда» и «Брага», изданных в 1921 году, поэт очень точно передал атмосферу эпохи. Талант и вдохновение говорили, возможно, даже полнее, чем желал автор:

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром, по плечам моим
Узловатой хлестала веревкой, Чтобы
стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди, простым.

Николай Семёнович на год старше моего отца, я и воспринимала его как отца. И потому, наверное, не смущаясь, послала мэтру в шестидесятых годах письмо со своими стихами о Грузии. Знала его «грузинские» стихи, до сих пор помню наизусть многое из объёмного живописного полотна в стихах «Ночной праздник в Алла-Верды».(1935), этой совершенной по форме стихотворной панорамы. Николай Семёнович что-то, видно, усмотрел в посланных ему мной стихах и поручил меня вниманию редактора журнала «Литературная Грузия». С той поры там и печатали мои стихи о Грузии и переводы. Именно Николай Семёнович, по сути, вдохновил меня на переводы с грузинского. Лично поблагодарить поэта мне удалось позже, на застолье в честь празднования 80-летнего его юбилея в Доме Писателей в 1976 году. Подарить поэту его книгу, как двум другим поэтам, случая не представилось. Моя признательность Николаю Семеновичу, уже после его кончины , выразилась в том, что составленный мною сборник стихов и прозы грузинских и русских авторов, изданных в Москве в 1983 году, я назвала — «Двойная радуга». Это — словно бы цитата из стихотворения Тихонова о дружбе двух народов «Радуга в Сагурамо», где он писал:

Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя.

Ирэна СЕРГЕЕВА

***

Поезжай по той дороге,
где прошли кареты, дроги,
где наш Пушкин проезжал,
сквозь Рождествено и Выру,
и тебе настроит лиру
новенький мемориал.

Кроме всех домов и комнат,
нас земля родная помнит.
Не забыть и нам вдали
материнской и отцовской,
нашей Пушкинской,
Рубцовской
и Набоковской земли.

Маме

Была мудрейшем человеком,
энциклопедией живой,
меня вскормила добрым
млеком,
связала с позапрошлым веком
собой, почти что вековой.
Во мне твоя живёт отвага,
и ты веди меня, зови!
Ещё от предков эта тяга...
Писать влечёт к себе
бумага —
роман — трилогию любви.

В бой

Котята осмотрели автомат
и спать легли к солдату в каску,
Солдат сказал котёнку —
«брат»,
так проявив мужскую ласку.

И, осторожно всех переложив
в «гнездо» из плащ-палатки, —
«Не плакать, не скучать,
пока я жив! —
сказал. — Всем спать, ребятки!»
Взял каску, автомат, спеша,
и выпрыгнул из блиндажа.

***

Лучше русской поэзии нет ничего —
это я поняла в Новом Саде.
Гений русской поэзии жил для чего?
И другие пришли чего ради?..
Чтобы музыка слова звучала,
как свет,
мысль — великое обозначала...
Ничего лучше русской поэзии нет,
с нею жизнь начитаешь сначала.

Новым петербуржцам

Вы все — приезжие, конечно,
его не любите так нежно,
как с детских лет любила я.
Здесь всё: и слава боевая,
Аларчин, Мойка, Моховая,
муз, львов и ангелов семья...
А невских волн прибрежных
стая,
и шум шагов, и звон трамвая
милее пенья соловья...

***

Поэт Николай Гумилёв,
романтик, охотник на львов,
каких бы он жён ни любил —
повенчан со славою был.
Улан Николай Гумилёв
в бою был погибнуть готов,
но подлую встретил беду —
расстрел в двадцать первом году .
Сквозь время — бестрепетно
смел —
он смерти в глаза посмотрел.

***

3-го — дождя не будет...
К восемнадцати часам
приходите в Лавку, люди,
подарю я радость вам. —
Много книжек накопилось,
очень умных, не моих!
Все отдам их вам на милость,
свой — один лишь только стих.

Утраченные и обретенные. Бесконечная история о Венерах Витали

Посвящается Владимиру Берцеву — моему отцу, физику, поэту, художнику, свидетелю и участнику интересных событий

В начале двухтысячных мне редко удавалось выбраться к Берцеву в гости, зато всегда находилось много тем для разговоров.

— Что это? — начинаю листать брошюру с изображением беломраморной скульптуры на обложке.

— Новая Володина любовь, — отвечает мне Ольга, его жена.

— Дама, приятная во всех отношениях, — смеется Берцев.

— Это та, которая в Русском музее стоит? — демонстрирую свою осведомленность.

— Она и не она.

— Это как?

— Тебе коротко или подробно рассказать, — Берцев хитро прищуривается.

Ага! Значит, есть, что рассказать.

— Давай подробно! Заодно, может, объяснишь, как статуя, которая выглядит как античная, вдруг в Русском музее оказалась? Вроде в его коллекцию собирают только произведения русских мастеров? А эта вся такая... как в Эрмитаже, в Греческом зале.

— «В Греческом зале, в Греческом зале», — не удержался от цитирования Берцев.

— Тут не только мрамор виноват, — продолжаю, — но и пропорции, соразмерность тела, естественность движения. Ну, обнажённая, разумеется, и прическа у нее, как у греческих богинь. Этакий типичный образчик того, что принято назвать высокой классикой.

— Ладно, подробно, так подробно. Что ты знаешь о Николае I?

— Э-э... Царь российский.

— Это все знают, — усмехается.

— Правил между двумя Александрами, — напрягаю память. — Кажется, между первым и вторым. Годы примерно... э-э...

— Угадала, — мы смеемся. — Так вот! Как в сказке, жил-был царь и было у него две дочери — Мария и Ольга. Пока они росли, царь занимался разными делами. Например, он подружился с неаполитанским королем, и тот подарил Николаю маленькую бронзовую статуэтку Венеры, найденную на раскопках Помпей. Не знаю, чем она так нашего императора поразила, потому что не сохранилась до наших дней. Может, я несколько вперед забегаю, но искусствоведы говорят, что подобных статуэток чуть не семь десятков по всему миру известно.

— Но та единственная, которая помпейская, наверное, самая-самая была? Правильно я понимаю? Царь-то, поди, произведениями искусства вполне избалован был!

— Опять угадала, — мы снова смеемся. — Так вот. Прошло какое-то время, и Николай I пришел своему любимому скульптору, которого он профессором Академии художеств сделал, Ивану Петровичу Витали с той самой помпейской статуэткой.

— Иван Петрович вроде как русский, но Витали... — вот вечно я встреваю да перебиваю!

— Итальянец. По происхождению. Настоящее имя что-то вроде Джованни. Но родился в Петербурге, вот его Иваном на Руси и назвали. Талантлив до гениальности! И ведь нигде не учился! Нет, учился, конечно. Он и родился в семье скульптора, и на занятиях в Академии художеств бывал, но скорее по знакомству. Систематического образования у него все-таки не было.

— Совсем как ты, — теперь смеемся мы с Ольгой. — Тоже художественного образования не получал, а вон сколько и из дерева всего повырезывал, и картин понарисовал.

— Короче! Попросил Николай Петрович мастера своего, чтобы сделал тот полноценную ростовую скульптуру, в смысле, в размер реального женского роста. Видать, и в самом деле та маленькая статуэтка очень хороша была, потому как другие, фотографии которых я потом смотрел, особого впечатления на меня не произвели. А Витали лестно, наверное, что император так к нему благоволил. Согласился, естественно.

Первую гипсовую модель Витали делал в классе скульптуры Академии художеств. Сколько натурщиц позировало, этого никто не знает. Говорят, даже жена Витали в качестве модели выступала. От каждой скульптор взял самое лучшее, самое совершенное! Удивительно: получиться-то должно было как в «Молекулярном кафе»! Знаешь такое?

— Па-а! Я ж вроде как с фантастами общаюсь, так что Варшавского знаю. Только там-то все самое вкусное в одно блюдо машина мешала, а тут, как я понимаю, этим гений занимался.

— В точку! Когда император гипсовую Венеру увидел... Боюсь, что фотографии этого передать не способны! Тут не только глазами видишь, но и руками ощущаешь красоту и совершенство. Анатомически абсолютно пропорциональна, с плавными изгибами тела. Очень живая поза, когда Венера, опираясь локотком на опору, чуть наклонилась, чтобы развязать тесемку сандалии. Кокетливый поворот головы, чуть манерно отставленный мизинец на руке. Который, кстати, едва разыскали.

— Кого? Мизинец едва разыскали?!

— Дойдем уже скоро и до него. А пока гипсовая Венера покорила Николая Павловича до глубины души. И повелел он исполнить деву в мраморе. Так появилась мраморная Венера, которую сейчас называют первой, хотя на самом деле она стала второй после гипсовой. Ее-то царь и повелел поставить в Ротонде — императорской столовой Зимнего дворца. При следующем императоре она переехала в зал русской скульптуры Нового Эрмитажа. А когда создали Императорский Русский музей имени Александра III, Венеру переместили туда и включили в ставший классическим «Каталог Русского музея» Врангеля. Позднее она была выставлена в Академическом зале Михайловского дворца. В подвале этого же дворца она сохранялась в годы Великой Отечественной войны, а после вернулась на свое место в зале и в новые каталоги. У этой Венеры вполне спокойная и счастливая судьба. Ее-то Осипов и поместил на обложку своей книги, которую ты смотришь.

— Врангель — это который барон и военначальник? У этой? Значит, есть еще какая-то? А с автором книжки, Осипов который, ты, похоже, знаком лично? — посыпались из меня вопросы.

— Тпру, дорогая! Не гони! Врангель, который каталог составил, был искусствоведом и коллекционером, а барон, который у всех на слуху, его сын. Осипов же Дмитрий Владимирович — мой друг. Он-то и познакомил меня с этой прекрасной дамой. Точнее, когда знакомил, прекрасной ее назвать было сложно, но не будем бежать впереди коней. Знаешь ли ты, за что я люблю Николая I?

Такой себя представляет сама Татьяна Берцева

— За то, что он повелел Витали сделать эту статую?

— Угадала! Но не только за это. Еще за то, что умный был мужик, науку уважал и мужей ученых слушал! Вот порекомендовали ему несколько членов Петербургской академии наук одного немца, который электродвигатель изобрел. Как его в немецкой среде звали, сейчас и не вспомню, а по-русски стали Борисом Семеновичем называть. А фамилия у него Якоби. Он для русского престола много чего сделал. И телеграф разработал, который не символы передавал, а сразу буквы печатал, и новый тип противокорабельных мин придумал. Но самое для нас главное, что он открыл гальванопластику!

— Ага, похоже, мы приближаемся к сути! Только можешь в двух словах уточнить, что это за зверь такой — «гальванопластика»?

— Вообще это раздел прикладной электрохимии, — подмигивает Берцев.

— Понимаю, — усмехаюсь. — Сразу все стало так понятно! Ты попроще — для ботаников.

— Попроще? Берется большая ванна, в нее с разных концов помещаются анод и катод. В ванну заливаются специальные реактивы, через которые пропускается электрический ток, — приступает Берцев к лекции.

— Извини, па, но поподробнее я просила про Венеру, а не про электрохимию. Что в результате получается?

— В результате на подосновy наносится слой металла, обычно меди, толщиной в несколько миллиметров. Он полностью повторяет рельеф поверхности, на которую наносится. Получается очень точная копия. Так были сделаны скульптуры на нефах Исаакиевского собора. То есть они внутри полые.

Николай I способствовал развитию всего этого дела. В Петербурге было открыто две гальванопластических мастерских. Одна — при литейных цехах герцога Лейхтенбергского, который позже зятем Николаю станет. А второй владел некто Иван Гамбургер.

— Как-как?!

— Гамбургер. К бутербродам никакого отношения не имел, если под бутербродом мы не имеем в виду гальванические пары, — Берцев весело подмигивает. — И звали его на самом деле, скорее всего, не Иваном, а тоже как-то по-немецки. Но тут как: живешь в России, изволь, батенька, русским именем прозываться.

Так вот, кроме мраморной, Николай Павлович повелел изготовить еще две гальванопластическиекопии.Знакомые историки и искусствоведы так и не смогли разобраться, почему две копии были заказаны двум разным мастерским. Подозреваю, что таким образом Николай за счет конкуренции хотел получить два идеальных результата.

Итак, первая копия была заказана мастерской Гамбургера. Немецкий мастер постарался на славу. Работа его была одобрена, и копия заняла место перед Ольгиным павильоном на Ольгином острове в Петергофе. Ее сейчас называют «Ольгиноостровской Венерой». Увы, но после Великой Отечественной войны эта скульптура пропала, и судьба ее до сих пор неизвестна. Только круглый пьедестал из гранита и остался.

— Но как же?.. Я только с конференции по историческим садам и паркам. Там моя однокурсница доклад делала по Петергофскому музею-заповеднику. Так вот на ее фотографиях Венера на месте.

— Не гони коней. Мы пока идем по утратам, потом перейдем к обретениям.

Гамбургеру царь потом заказал еще одну копию. Гальваник и ее выполнил, как говорится, на «отлично», «получил высочайшее одобрение». Эта копия была отправлена в дар дочери Николая I — королеве Вюртембергской Ольге Николаевне в Штутгарт, за что и получила название «Венеры Штутгартской».

— Целое семейство Венер, — шучу я.

— Угадала. Искусствоведы потом так их и стали называть. Но вернемся к Венере Штутгартской. Во время Второй мировой войны, когда земли Вюртемберг-Баден оказались оккупированы армией США, эта Венера тоже пропала из поля зрения историков, искусствоведов и коллекционеров. Насколько везло Гамбургеру с заказами на копии Венеры, настолько же не везло самим копиям.

Едем дальше. Заказ на вторую копию Венеры получило литейное заведение герцога Лейхтенбергского. Эта копия предназначалась старшей дочери императора Марии Николаевне. Здесь часть истории

покрыта мраком. Эта работа Николая чем-то не удовлетворила, и он повелел изготовить другую копию. Что там произошло? Куда делась неудачная копия? Ничего не известно, но заказана была новая.

— А почему тогда не Гамбургеру? Ведь у него все хорошо выходило.

— Слушай, это тебе у Николая бы спросить надо. Говорю ж, что история там темная. Вроде как при изготовлении первой копии сам герцог болел и потому пригласил сделать копию самого Витали. Может, копия и понравилась, но Витали ее себе попросил, и царь пошел на уступку для любимого скульптора. А может, чисто по-родственному дал зятю возможность исправиться. Короче, копия сначала стояла в Зимнем дворце, где находилась мастерская герцога, потом переехала в Мариинский дворец, в котором жила Мария Николаевна с мужем. Вскоре они достроили усадьбу «Сергиевка», ставшую их родовым поместьем. Туда впоследствии, на первый этаж, в приемную Марии Николаевны и установили скульптуру, получившую название «Венеры Сергиевской».

Ни революция 1905, ни 1917 года «Сергиевку» не затронули, а вот в Академии художеств неграмотные большевики много чего уничтожили, в том числе и первую гипсовую модель Венеры, которая долгие годы служила экспонатом для студентов, обучавшихся рисунку и живописи.

В 1920 году вся усадьба с дворцом, постройками, парком перешла в ведение только что организованного Петергофского Биологического института. Так что коллекция скульптуры, которую герцоги Лейхтенбергские собирали несколько поколений, хоть немного и пограбленная, но осталась при институте. Впоследствии коллекцию пытались описать, атрибутировать, как это правильно называется, но не успели. Началась война. Не успели ни вывезти, ни както спрятать. Ничего не успели. А в августе 1941 через территорию усадьбы прошла передовая линия обороны Ораниенбаумского плацдарма.

Говорят, ничего не осталось. Осталось... Развалины, руины, обломки...

А вот теперь можно начать и про Осипова рассказывать, который после войны поступил учиться на биофак. Дирекция Биологического института организовала студенческие отряды для восстановления дворца и усадьбы.

И вот в июле 1960 из-под обломков извлекли сильно поврежденную статую Венеры. Как и полагается Венерам, у этой не было обеих рук. Повезло, что их потом тоже нашли. Даже нашли тот самый отломанный палец. Но и в таком виде скульптура поразила Осипова совершенством форм, красотой линий тела и живостью движения так же, как когда-то Николая I. Но что мог сделать студент? Даже аспирант? Только мечтать, что когда-нибудь... может быть... А пока бережно сохранить в сарае, желательно так, чтобы никто до нее как можно дольше не добрался.

Зато, когда в 1980 году Осипов стал директором института, тут-то он и развернулся. К тому времени, как мы познакомились, он уже сделал попытку восстановить две каменных вазы — вполне успешную. Теперь замахнулся и на Венеру. Бывают у людей разные заскоки, так вот Дмитрий Владимирович вбил себе в голову, что к 275-летнему юбилею Университета обязан восстановить скульптуру. На профессиональную реставрацию деньги нужны и немалые. Но где ж их взять? Дмитрий знал, что я руками умею работать, вот и позвал меня да друга моего кафедрального — Виктора Цыбулю, чтобы помогли деву в божеский вид привести.

А мы — что? Мы согласились. Любопытно же. Чтобы нам удобно работать было, издал директор распоряжение, согласно которому всем женщинам института в течение некоторого времени пришлось посещать мужской туалет, поскольку в женском имелась большая ванна. Там Осипов и поместил свою любимую Венеру и нас — двух физиков. Так вот, сначала кроме нас и Дмитрия Владимировича никто не был в курсе, что же на самом деле творилось в закрытом для всех помещении.

Днем там ничего не происходило. Венера лежала в ванне, обмотанная тряпьём, пропитанным кислотами и щелочами. Вечером приходили мы с Цыбулей и принимались за статую. Приходил Осипов, который только и мог, что кормить нас да чаем поить, чтобы силы наши поддержать, поскольку засиживались мы там до последней электрички.

Это сложно объяснить, но, когда мы очищали скульптуру, придумывали, как приделать ей назад руки, словно медитировали. Про время совершенно забывали, усталости не чувствовали.

Осипов нашел консультантов в КГИОП — сложная такая аббревиатура, так и не выучил, как расшифровывается.

— Ой, ну, это ж совсем просто: Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры, — выкладываю я.

— Да, именно так. Комитет... как-его-там? — и мы снова смеемся.

— Так вот, — продолжает Берцев. — Подсказали нам, какие шпильки-скобки нужны, чтобы руки назад приделать. Только их советы нам не совсем к месту были. Они ж сами статую не смотрели, просто излагали нам теорию соединения элементов гальванопластических копий. А нам это совсем не подходило. Ну, мы и приделали, как получилось. Отмыли Венеру, как смогли. Решил Осипов, что пора показать сотрудникам, а главное — сотрудницам, над чем мы там трудились. Надо Венеру из дамского заведения выносить. А я не говорил, что она тяжеленная?! Вдвоем с Цыбулей еле-еле ее поворачивали.

— Ты ж говорил, что гальванопластические — они полые внутри, — удивляюсь. — Разве не должны быть легкими?

— Не торопи! Все скажу. Так вот. Осипов нам и говорит: мол, вы и так такую ответственную работу исполнили, беречь себя надо, а не тяжести таскать. Сейчас рабочих, мол, пришлёт. Прислал. Работяги как Венеру увидели, обалдели, прикоснуться боятся. Но все же кое-как ее подняли, к выходу потащили. Мелкими шажками, лишь бы не уронить... В дверях запнулись-таки, за косяк зацепились, и... Видать, любой Венере без рук комфортнее. Отломили руку, пришлось обратно деву в дамскую комнату возвращать.

Теперь уж никак утаить не получалось. Увидеть — никто не успел, но работяги в каждой лаборатории потом чаю попили и не по одному разу. Зато и женщины перестали на директора за закрытие удобного туалета ругаться. Да называть стали Осипова Пигмалионом. Как Дмитрий Владимирович шел к нам, когда мы снова с рукой венериной разбирались, шептались: «Опять к своей Галатее пошел».

Так вот, поправили деву, припаяли руки покрепче. Последний раз прошлись тряпочками с полиролью по изящным обводам женской фигуры. Вытаскивали сами, без чужой помощи уже. Ну, и без проблем. Проблема ждала дальше, когда приемка придет...

30 апреля 1999 года пришла комиссия специалистов Государственного Русского музея принимать выполненные нами реставрационные работы, а заодно акт передачи в Петергоф оформлять, потому как за тамошним музеем-заповедником числилась гальванопластическая копия скульптуры И.П. Витали «Венера, снимающая сандалию». Жалко-то как! Осипов с этой Венерой со студенческой скамьи сроднился, можно сказать, мечту свою реализовал. Только обрел, а теперь предстояло расстаться.

— И забрали?

— А не забрали! Помнишь, Николай I сделал повторный заказ гальванопластической копии своему зятю, не приняв первую копию. А помнишь, ты спрашивала, должна ли она быть такой тяжелой? Так вот! Комиссии пришлось признать факт, давно ставший для нас очевидным, что перед ними стояла во всей своей красе не зарегистрированная в описях гальванопластическая копия, а... авторский бронзовый отлив Венеры Витали!

Так окончательно были утеряны следы гальванопластической копии, выполненной в литейной мастерской герцога Лейхтенбергского, зато появилась неизвестная до этого авторская копия, которая и осталась. И осталась она в Биологическом институте. Дмитрий Владимирович установил Венеру в зале заседаний Ученого совета института.

— Как хорошо, что эта история так хорошо закончилась! — радуюсь я.

— Так не закончилось, — смеется Берцев. — Десять лет спустя генеральный директор государственного музея-заповедника «Петергоф» попросил разрешение сделать с Венеры Сергиевской форму для выполнения бронзовой копии, которую собирались заново установить на Ольгином острове взамен утраченной в годы войны. Разумеется, Осипов разрешил, и формы были изготовлены. В 2009 году, в Международный день музеев, установили новую бронзовую статую — копию «Венеры, снимающей сандалию» Витали — на сохранившемся историческом круглом гранитном пьедестале, около Ольгина павильона на Ольгином острове. Так вновь обрели Венеру Ольгиноостровскую.

— То есть на Ольгином острове новая Венера стоит? Не историческая?

— Именно так. А в благодарность реставраторы Русского музея провели патинирование Венеры Сергиевской, которая снова вернулась на своё место во дворце герцога Лейхтенбергского. Но и это ещё не вся история.

— Да она какая-то просто бесконечная получается!

— Да-а! Дело в том, что, когда изготавливают бронзовую скульптуру, технология требует, чтобы сначала были выполнены гипсовые фрагменты скульптуры, с которых потом и изготавливались формы для отлива этих фрагментов. Затем части соединяются между

Другой фотографии отца не сохранилось

собой при помощи крепежных шпилек, как мы со своей Венерой и делали. Специальными приемами обрабатываются швы, полируют, патинируют и так далее, пока скульптура не будет готова. Разумеется, после получения бронзовой скульптуры все гипсовые части уничтожаются, чтобы не было возможности сделать несанкционированные копии. Но всё-таки Венера — богиня любви. Добрые отношения между участниками проекта копирования позволили Осипову получить согласие на то, чтобы гипсовые фрагменты не уничтожить, а собрать из них цельную гипсовую статую.

Новую Венеру составили из гипсовых кусочков, покрытие сделали под мрамор, назвали Венерой Румянцевской и передали в дар особняку Румянцева, что на Английской набережной.

Вот такая история утрат и обретений в семействе Венер Витали сложилась.

— Да, уж... — а что тут еще сказать.

— Но и это не конец! История-то бесконечная! — снова смеется Берцев. — После истории с обретением никому не известного авторского отлива искусствоведы предприняли усилия по поискам Венеры Штутгартской. Оказывается, Великая княгиня Ольга Николаевна увезла свою Венеру на Виллу Берг. Там скульптура и пережила военные годы. Оттуда после войны попала в городской штутгардский Лапидарий, где и находится по сей день. Правда, называют ее там просто «Купальщица» и состояние у нее не очень хорошее. Нас бы туда! Ей бы очень наш опыт реставрации пригодился.

Забавно, но и немцы поспособствовали приращению семейства Венер. Немецкий меценат Адольф Зиглох основал в Канштате — это маленький городок под Штутгардом — Минеральные купальни, где установил бронзовый отлив скульптуры, в качестве модели для которой послужила Венера Штутгартская. И назвали эту Венеру... — Берцев вопросительно смотрит на меня.

— Венерой Канштатской? — подхватываю я, и мы смеемся.

— Угадала! Вот теперь упомянуты все Венеры Витали, существующие на сегодняшний день. А реставрировать Венеру Сергиевскую мне понравилось, — смеется Берцев.

— Еще бы! — смеемся уже все.

Татьяна Берцева

Феномен А. И. Белинского

20 октября 2026 года старейшему ленинградскому и петербургскому писателю Анатолию Ивановичу Белинскому исполняется 100 лет. Жизнь Анатолия Ивановича всегда была наполнена самым разнообразным трудом — писательским, редакторским, издательским, педагогическим.

Он — участник войны, награжден десятью правительственными наградами, в том числе медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией». С февраля 1944 по январь 1956 года служил в рядах Советской армии. После демобилизации с 1956 по 1962 года работал токарем. В 1962 году закончил Литературный институт им. М. Горького в Москве, в 1967–71 годах был экскурсоводом в Екатерининском дворце-музее в г. Пушкине. С 1979 года — член Союза писателей СССР. Он избирался делегатом V съезда СП РСФСР, был членом ревизионной комиссии СП РСФСР.

В 1984–1996 годы возглавлял редакцию художественной литературы «Лениздата». В период его работы в «Лениздате» в его редакции ежегодно издавалось до восьмидесяти названий прозы и поэзии, произведения русской и мировой классики, советских и, в частности, ленинградских писателей. Впервые в России именно в «Лениздате» отдельным изданием вышел однотомник А. Кристи, был напечатан роман В. Пикуля «Фаворит», издавалась многотомная «Библиотека для детей» (32 тома), выходившая с 1992 по 2000 годы. Анатолий Иванович был составителем сборников «Опасный поиск» (Л., 1984), «Площадь Мира» (Л., 1984), «Времена года» (Л., 1995), «России сердце не забудет» (СПб., 1999), «Дорогами войны» (СПб., 2005). Нельзя не согласиться с Анатолием Ивановичем, когда он, вспоминая этот период своей жизни, пишет: «Должность заведующего редакцией была не только важная, но и хлопотливая, пребывание в ней на протяжении тринадцати лет, вплоть до закрытия издательства «Лениздат», свидетельствовало об успешности этой работы».

С 2000 по 2011 год Анатолий Иванович был составителем и редактором 13 выпусков альманаха «Молодой Петербург». По итогам публикаций в альманахе более двадцати молодых авторов были приняты в Союз писателей России. Работа с начинающими писателями продолжалась вплоть до последнего времени в качестве руководителя студии молодых писателей при СП России.

С 2002 по 2015 год Анатолий Иванович являлся главным редактором издательства писателей «Дума». За этот период вышло более 250 названий прозы и поэзии, несмотря на то, что книгоиздание, как пишет Анатолий Иванович, «было малотиражным и бездоходным для издательства». Издательские риски оправдывались тем, что многие книги стали уникальными явлениями в нашей литературе. В качестве одного из примеров Анатолий Иванович выделяет краеведческую книгу большого формата «Страна Див. Энциклопедия Окуловского района». Текст книги был создан новгородскими краеведами и библиотекарями, но она вряд ли бы была издана, если бы за ее общее редактирование, оформление, верстку не взялся А. И. Белинский лично.

В последние годы Анатолий Иванович опровергает все представления о старости как закате жизни и естественном угасании физических и творческих сил каждого человека. Именно этот предюбилейный период его биографии ознаменован небывалым творческим расцветом: выходом целого ряда публицистических и очерковых книг, отличающихся разнообразием тематики — «Сталин. Силуэт на фоне 1941 года» (2020), «Нерешенный вопрос» (2022), «Два лика одного века» (2024), «Генерал-аншеф Бибиков. Личность в истории» (2025), «Этюды о литературе» (2025). Летом этого года в издательстве «Петрополис» вышла новая книга А. Белинского «Сквозь дым столетий» (2026), посвященная живописи Возрождения.

В завершении этого юбилейного послания мне хотелось бы немного нарушить его жанровые каноны и написать о своем личном отношении к незаурядной личности А. И. Белинского. Много лет мы тесно общались, издавая совместными усилиями всероссийский литературно-критический журнал «Вестник детской литературы» (2010 — 2018) — одно из начинаний, которое Анатолий Иванович безоговорочно поддержал.

О книгах Анатолия Ивановича я неоднократно писала статьи, очерки, рецензии, их можно прочесть. Сейчас я хотела бы поразмышлять о том, что составляет главную особенность его творчества в целом. Есть писатели (и их большинство!), для которых творчество и жизнь — это два разных смысловых и событийных поля, мало сопрягаемых друг с другом: в книгах декларируются одни ценности, в жизни же происходит обратное. Писательская и человеческая судьба Анатолия Ивановича совсем другого рода. Это редкий пример цельности и чистоты написанного и прожитого. Он живет, как пишет, и пишет, как живет. Ни одна буква его книг, ни одна высказанная в них мысль не расходится с опытом его личной биографии. Так происходит с людьми, которые проживают неслучайную для самого себя и для истории жизнь, когда ее осмысление отливается не только в строчки, но и в поступки. Читая книги А. И. Белинского, не оставляет ощущение, что пьешь родниковую воду из чистейшего источника. В них нет ничего, что тебя покоробит, испугает, оттолкнет. Главные посылы всех его сочинений, несмотря на многие горькие наблюдения и жесткие оценки, целомудренно сложны и одухотворены. Эта энергия чистоты, наверное, включая детское удивление всем прекрасным в жизни, и есть секрет неизменной бодрости и, в конечном итоге, долголетия юбиляра.

А. И. Белинский — один из тех людей, одна мысль о котором делает тебя увереннее и спокойнее, сильнее. Происходит это от того, что ориентиром служит не вычитанная из книг прописная истина, а живой человек, который знает, как надо жить, как принимать жизнь и сопротивляться ей. Ему доверяешь безоговорочно. Многие знают, что нет более неравнодушного читателя чужих текстов, чем Анатолий Иванович, который открыто и честно, не поступаясь принципами, высказывает свое мнение, не сообразуясь с такими обычными для нашего времени соображениями выгоды. И его замечания всегда помогает автору сделать текст лучше, увидев написанное с другой точки зрения.

Однажды Анатолий Иванович открыл мне секрет счастливой жизни. Он сказал, что нужно радоваться, когда идешь на работу и радоваться, когда возвращаешься с нее. У него это получилось. В этом и есть секрет его феномена, отгадка благотворного влияния его личности и творчества на всех, кому выпало счастье быть с ним знакомым.

Татьяна Федяева

Фантастика возвращается

Идея премии возникла ещё в 1984 году, когда Союз писателей СССР отмечал столетие со дня рождения А.Р. Беляева. В 1990 году премия была официально учреждена и состоялось её первое вручение. Путь премии был долго и тернист, но вот 27 сентября 2026 года в Доме культуры города Пушкина прошла 31-я церемония вручения литературных премий имени Александра Беляева (Беляевских премий). Нынешнее мероприятие существенно отличалось от предыдущих: Беляевка возвратилась к своим истокам, то есть присуждалась и за фантастические, и за научно-популярные произведения.

В 2026 году определением лауреатов занималось Жюри, в состав которого вошли:

· член Союза писателей России, ответственный секретарь совета Беляевского фонда **Татьяна Громова**;

· управляющий директор практики «Данные и прикладной искусственный интеллект» компании «Аксеникс» в России, лауреат Беляевской премии **Лариса Малькова**;

· заведующая Отделом научно-популярной литературы и фантастики журнала «Наука и жизнь», член Союза писателей России, двукратный лауреат Беляевской премии, **Людмила Синицына**;

· источниковед, математик, писатель-фантаст **Адель Гельт**;

· автор статей по футурологии и психологии, литературный критик, директор Беляевского фонда, **Игорь Кайбанов**;

· автор десятков мировых бестселлеров, писатель-фантаст, лауреат многочисленных литературных премий **Александр Мазин**;

· писатель-фантаст, критик и живой мост между великим прошлым отечественной фантастики и её звёздным будущим **Михаил Шавшин**;

· литературный критик, писатель, философ, лауреат Беляевской премии, **Валерий Шлыков**.

· Возглавил Жюри академик Российской академии космонавтики имени Циолковского, член Союза писателей России, трижды лауреат Беляевской премии, председатель Совета Беляевского фонда **Александр Железняков**.

Третий год подряд в состав Жюри входил экспериментальный член — профессор, **Его Всезнайство Искусственный Интеллект**. Пока он обладает только совещательным голосом. Но надеется, что это временное явление.

Новыми лауреатами Беляевской премии стали 19 человек. Им были вручены дипломы и медали.

О номинантах премии мы расскажем отдельно. Пока отметим, что в нынешнем году лауреатами Беляевки стали жители Санкт-Петербурга, Москвы, Волгограда, Петрозаводска, Новосибирска, Челябинска, Магнитогорска, Казани, а также белорусского Гомеля.

Церемонию вручения премий завершила номинация памяти Андрея Балабухи. Её официальное наименование «За наставничество и значительный вклад в развитие литературы и искусства». Решающее слово в этой номинации принадлежит вдове отца-основателя премии поэтессе Татьяне Громовой. В нынешнем году её выбор пал на главного редактора и издателя журнала «Невский альманах», президента некоммерческого партнёрства литераторов «Родные просторы» **Владимира Скворцова**.

И в заключении хотелось бы выразить огромную благодарность Администрации Пушкинского дома культуры, которая уже более десяти лет безвозмездно предоставляет свои залы для проведения церемонии, и компаниям «Аксеникс» и «Технологии автоматизированного управления», оказавшим техническую и организационную помощь в подготовке и проведении данного мероприятия.

И, конечно, нельзя не отметить членов Оргкомитета и волонтеров, которые приложили все свои силы для того, чтобы прошедшая церемония вручения Беляевских премий приобрела душевность и стала значимым событием в культурной жизни нашего города.

Татьяна Громова,
Александр Железняков

БАРС-19

После очередной военной командировки я захожу в Александро-Невскую лавру поклониться Ангелу Хранителю и поставить свечи за ушедших друзей. Но долгое время чувствую лишь холод и пустоту. Былое ощущение присутствия Таинства и общности с другими прихожанами тает в слепом недоумении. Что-то очень ценное ушло от меня, оставив зияющую дыру в страдающей душе. Проходят месяцы, пока врата начинают потихоньку открываться вновь и тепло встречает у икон. Я уже привык к такой метаморфозе — и терпеливо жду настоящего возвращения домой.

И я уже давно живу в двух параллельных Мирах...

Они плавно текут в моей жизни — то обгоняя один другого, то причудливо извиваясь, путаются в тугие узлы, но никогда не пересекаются и не растворяются друг в друге. Они текут размеренно и величаво, каждый подчиняясь своим собственным Законам, которые тоже медленно, но неотвратимо меняются.

А вот я, перескакивая из одного Мира в другой, начинаю лихорадочно шевелить лапками, чтобы догнать и осознать то, что утекло куда-то вдаль в моё отсутствие. И цена здесь за слабость и лень очень высокая. Это не компьютерная игра и не фантастический мир с «попаданцами», где любезно предоставляют ещё одну жизнь, ещё одну попытку...

Война и Мир идут рука об руку всю известную историю Человечества. На маленьком шарике под названием Земля никогда не прекращаются боевые действия. А так называемый прогресс силой толкает вперёд именно Война. За всё надо платить — люди, получая всё более совершенное умение уничтожать себе подобных, отдают взамен части своей Души, и Сердца, и Памяти, и Боли...

Странным образом, когда Война насыщается кровью, а руки устают держать оружие — оставшиеся в живых солдаты приходят в Мир чище и искреннее, как будто в мучениях сменив кожу. К ним возвращаются обновлённая Боль, и Великодушие, и Прощение, и Любовь — отбрасывая прочь и заменяя истинными, почти забытыми ценностями прежнее лицемерие, ложь и эгоизм. А те, в свою очередь, тихо шурша сброшенной змеиной кожей, возвращаются вновь, незаметно наполняя нашу мирную жизнь до следующей Войны.

Так мы и перескакиваем из Мира в Войну и обратно, догоняя ушедшие вперёд такие единые и противоположные Законы Мироздания.

Сейчас, увы, снова пришло наше Время...

Здравия желаю.

Меня зовут Александр Добрый. Я боец отряда «Суть времени» батальона «Восток» и батальона «Хан» Донецкой Народной Республики. Участник Специальной Военной Операции в составе батальона «БАРС-19».

Я совсем не писатель. И взять в руки перо меня подвигнул долг перед ушедшими в Лучший Мир боевыми друзьями, перед их мамами, жёнами и детьми...

Прошло пять лет, прежде чем я смог рассказать о событиях 2014–15–16 годов. Та книга о славных страницах Донецкого Ополчения называется «Третий тост». Начало нашего боевого пути с романтикой и цинизмом, верой в идеалы и проснувшейся Памятью предков. И каждый рассказ, каждая глава, как вехами, были отмечены подвигом и гибелью наших товарищей.

А с 2022 года я рассказываю о становлении добровольческого отряда «БАРС-19». Скрупулёзно и трепетно восстанавливаю как события, перевернувшие нашу жизнь, так и портреты людей, что были рядом со мной в те огненные дни. Портреты словесные и портреты карандашом. Едва знакомые люди, ставшие в один строй кровными братьями, теперь смотрят на читателя с обложек книг.

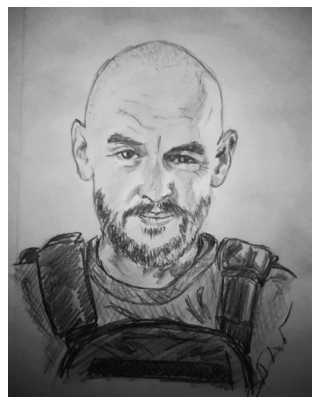
И я не стараюсь «высасывать истории из пальца», а рассказываю только то, что пропустил через сердце, что видел своими глазами, что сам прошёл избитыми пыльными военными дорогами берцами.

И выложив наболевшее и выстраданное на бумагу, я опять смог спать по ночам. Заново пережив в воспоминаниях страшную и беспощадную войну, с отвратительным запахом, с горьким опытом, густо замешанном на крови, с потерей друзей-товарищей, с осмыслением собственных ошибок... Я смог жить дальше. И рассказывать, и делиться, и писать.

В первую очередь для детей — именно им придётся решать оставленные нами вопросы и рубить Гордиев узел затянувшейся войны.

В отличие от взрослых, которые «всё знают», которые упёрлись в свои догмы, как в потолок, — искренние и пытливые глаза детей дают Надежду. У них нет границ — они обязательно смогут совершить рывок в своих знаниях и способностях! Но, чтобы было от чего оттолкнуться, я и рассказываю вершителям Будущего нашей страны об их отцах, дедах и прадедах. О том камне из Русской сказки, на котором написано: куда пойдёшь, что потеряешь, что найдёшь и какую цену заплатишь.

Как странно — в Советское время мы, жившие в Ленинграде и области, часто называли свой Великий город Питером. Это было просто, коротко, душевно и как-то по-дружески. Но пройдя свою войну, окунувшись в реалии боевого противостояния, мы уже Санкт-Петербург постоянно величаем Ленинградом — городом, опалённым Великой Войной, пережившим Блокаду и победившим! И всё это происходит естественно, понятно и искренне. У нашего Города равнозначные имена — они

не спорят друг с другом, а гармонично дополняют. Мирный, прекрасный, роскошный и удивительный, с дворцами, парками, музеями и фонтанами царственный Санкт-Петербург. И великий, могучий, непокорённый и стойкий воин Ленинград! Тем более удивительно, что мой отряд «БАРС-19» взяла под своё покровительство именно Ленинградская область, сохранившая своё название в «эпоху перемен». Теперь у отряда тоже есть второе имя — «Ленинградец»! Я давно вижу, что всё в этой жизни не случайно. Что значимые события добавляют друг друга в ярком калейдоскопе, пока не становятся единым целым — как волшебная мозаика Спаса-на-Крови.

Так и мы собирались по всему Санкт-Петербургу и Ленинградской области, чтобы двинуться на помощь Русской Армии в тяжёлый момент кровопролитной схватки. Мы знакомились, братались, как оказалось, на всю жизнь и даже много дальше... А поезд с Московского вокзала уносил нас на юг, в уездный город Н, где уже со всех концов огромной страны новое русское Ополчение собиралось малыми ручейками в полноводную реку отрядов БАРС!

Мы свой Выбор сделали...

Александр Добрый

О книге Александра Доброго «БАРС-19»

Рукопись Александра Доброго «БАРС-19» — это сложный и многогранный текст, который оставляет сильное впечатление и провоцирует на глубокую рефлексию. Как редактор, занимающийся вопросами сохранения памяти и инклюзии в культурном пространстве, я вижу в этой работе не только военные мемуары, но и значительное явление на стыке литературы, документалистики и общественной мысли. Это глубоко личное, эмоционально заряженное свидетельство, где автор с беспощадной искренностью сочетает «окопную правду» с философскими размышлениями о природе войны, долге, вере и мучительном возвращении к мирной жизни. Его стиль лишён казённого пафоса, он резок, откровенен и полон внутренней силы, что и создаёт эффект подлинности и доверия.

Литературная ценность текста подкреплена его документальным началом. Это живой исторический источник, фиксирующий опыт добровольцев, психологию «параллельного мира» войны, трудности реабилитации и социальный срез нескольких переломных десятилетий в жизни страны. Особую глубину придают широкие исторические параллели — от античности и Смутного времени до Великой Отечественной войны, — которые превращают личную историю в часть коллективной памяти народа, в размышление о цивилизационном пути России. Именно эта многослойность позволяет рассматривать рукопись и как литературное произведение, и как важный материал для будущих исследований в области устной истории, психологии травмы и социологии.

С точки зрения задач инклюзии в культуре, текст обладает значительным потенциалом. Он открывает возможность для диалога и взаимопонимания между разными группами общества. Для ветеранов и их семей это — узнавание и осмысление своего опыта. Для молодёжи — суровый, но необходимый урок о цене исторического выбора и хрупкости мира. Для всех, кто пережил тяжёлые личные испытания (отчуждение, тюрьму, миграцию), честный рассказ автора может стать актом поддержки.

Следует учитывать сложность материала: политические оценки, естественные для жанра личного свидетельства, могут вызвать неоднозначную реакцию аудитории. Фрагментарность и «рваный» ритм повествования, отражающие пережитый хаос и состояние души автора, могут затруднять чтение, но одновременно являются ярким и самобытным художественным приёмом. Издание этой рукописи представляется целесообразным и значимым. Его естественное место — в отделах краеведения и современной документалистики, учитывая глубокую связь автора с Выборгом и Санкт-Петербургом, его постоянные отсылки к истории и духу Ленинградской земли, вплоть до блокадной памяти. Возможно, для повышения просветительского эффекта публикацию стоит сопроводить предисловием эксперта (историка или психолога), а также тематическими материалами для обсуждения в читательских клубах. Это превратит знакомство с книгой из частного чтения в событие общественного осмысления. Организация встреч с автором, онлайн или офлайн, могла бы оживить этот диалог.

В заключение, рукопись Александра Доброго — это серьёзная, трудная и необходимая работа. Она вносит весомый вклад в сохранение культурной памяти, предлагая читателю пространство для собственной рефлексии о прошлом и будущем России. Рекомендую комиссии одобрить её к публикации и включению в фонды библиотек, рассматривая эту книгу как важный ресурс для гражданского диалога и патриотического воспитания, основанного на осмысленной, а не мифологизированной памяти.

Елена (Евгения) Чувашова,
ответственный
редактор журнала
«Библиотечное дело»

Двум богам служить нельзя

Написать об этой проблеме меня побудил крайний диалог в ветеранском чате с одним из респондентов. Диалог, понятно, был посредством СМС, и наблюдался всеми участниками площадки. Суть в том, что ветеран заявил, что будет «всех рвать» за своих погибших друзей, если кто против слово скажет...

Я попросил уточнить, про какое «слово» тот говорит и кого именно он собирается «рвать». Дальше пошел просто мутный поток ругательств, который нет смысла озвучивать. Явно человек был на стакане. Я вышел из чата, дав зарок больше не вступать, куда не попадя, и задумался.

Я не знаю кто был этот ветеран, где служил, какие у него награды, но я однозначно уверен, что он не может является образцом для подражания и вообще опасен для своего окружения и особенно близких, которые остаются с ним один на один. Матери, жены, детей...

Чтобы было понятно, почему я имею право говорить о таком опасном явлении, как спекуляция на том, что ты, вернувшись из района боевых действий, получил уникальное право третировать своим поведением окружающих под флагом психического расстройства от пережитого на войне, скажу коротко о себе.

Мой боевой опыт начался в далеком 1994 году. Таджикистан. Ущелья Тавиль — Дара и Обихингоу, офицер авианаведения в 12-м отряде СпН. Потом сбитый вертолет, госпиталь и т.д. После этого немного гражданской жизни и Донбасс, потом Ближний Восток, ряд командировок в Африку в штурмовом отряде и авиагруппе. СВО, артиллерия. Одним словом, повидал столько, что рассказы ветеранов слушаю с параллельной мыслью, что где-то я уже это слышал...

Так вот, вернусь к сути. Как известно «двум богам служить нельзя». Мне не понятно, как можно воспринимать психически ненормальным гражданина, и делать ему скидку в его вседозволенности, если у него нет документа о его психической болезни. Вместо справки у этого товарища есть действующее водительское удостоверение, разрешение на ношение гражданского оружия и прочие аттестации, невозможные при психическом диагнозе. Как это? Недосмотр на диспансеризации? Не думаю.

Скорее вышеобозначенному гражданину так удобнее. Запой — поминал погибших друзей. Попробуй возрази. Орет на жену и детей — последствия контузии, ничего личного. На просьбу не хамить в магазине, выпад: «А ты там был!?». Это бытовые ситуации, с которыми лично я сталкивался, и думаю ряд читателей тоже. Наряд полиции (Росгвардии), вызванный по душу такого товарища, старается как можно аккуратнее уладить конфликт, потому что с порога им в лицо предъявляется удостоверение ветерана боевых действий...

С моей точки зрения, которая, естественно, никому не навязывается, этот диссонанс — психическое расстройство с одновременным на владение гражданским оружием решается просто.

Или гражданин при очередном обострении регистрируется как неадекватный и нуждающийся в лечении и лицензии его на оружие и водительское удостоверение соответственно аннулируются, или он идет как все граждане без всяких оглядок на его боевое прошлое по статье хулиганство или причинение телесных. Суд, срок. А в исправительных учреждениях осужденные не сильно делают скидку, на то, что хамство — производная травмирования тонкой душевной организации в районе боевых действий. У них традиционная рекция на подобное поведение.

Хочу обратиться к опыту военной компании, в составе которой у меня были четыре командировки на Ближний Восток и в Африку. Понятно, что в ряды Вагнера был жесткий отбор. Но так как люди набирались наши, российские, то Службе Безопасности и там работы хватало. Хочу особо отметить уникальную способность сотрудников СБ быстро и качественно купировать любое психическое заболевание у бойца. Раз и навсегда. Когда дебошира возвращали в подразделение, он становился милейшей души человеком. Вроде еще вчера он кричал на коллег, бесновался, грозил, а сегодня просто как подменили боевую единицу. И куда девалось эхо былых боевых заслуг, которым тот спекулировал — одним СБэшникам известно. Это производилась в рамках программы оздоровления атмосферы в воинском коллективе и недопущения факторов, подрывающих боевую готовность. Эту задачу перед службой ставил руководитель и сотрудники подходили к ее выполнению жестко и без компромиссно. Не взирая на чины и заслуги. Как результат — боевые успехи компании. Значит, есть накатанные методы изгнания бесов...

В моем окружении достаточно ветеранов с самыми высокими государственными наградами. Герои России, кавалеры 4-х и более орденов мужества. Некоторые из них начинали еще с Баграма в Афганистане, и продолжают службу в районе СВО добровольцами по сей день.

Я не представляю, чтобы кто-то из них устроил дебош с криками и беснованием, подобные тому какие каждую ночь я наблюдал в санатории для участников СВО «Кристалл» в Анапе. Жаль этих ребят. Они остались живы. Это уже звоночек к переосмыслению того, как распорядиться оставшимся временем, но, дьявол в паре с зеленым змеем не оставляют в покое людей слабых духом и жалеющих себя.

У моего брата Игоря первая награда орден «За личное мужество» 1993г. и крайняя, орден Мужества 2024г. Сейчас он выполняет задачи СВО командиром артиллерийского дивизиона. Дай Бог каждому такого ангела хранителя, как у него! Тридцать три года на войне! Вот, казалось бы, у кого должно голову снести напрочь от увиденного и пережитого, но в быту это тихий мужчина в возрасте, любит жену, рыбалку и турецкий кофе.

Ветераны боевых действий часть нашего общества. Достойнейшая его часть. Есть масса программ помощи ветеранам и их семьям, вдовам, детям погибших героев. Но помимо всего этого крайне важна чисто человеческая память с теплом и любовью к людям, ушедшим раньше времени, чтобы мы могли жить дальше.

Мы, вернувшиеся оттуда должны вечно хранить в памяти образы наших погибших друзей, повторять их имена, позывные. Для меня Ден, Майкл, Рок — это люди, которые прожили короткую, яркую и достойную жизнь. И не важно, где был их последний бой, в пустыне Сахара или в лесополосе под Купянском. Они отдали свои жизни за свою страну, за нас. Они свою миссию выполнили.

А мы обязаны жить так, чтобы они, глядя сверху на нас понимали, что все это было не зря. Жить по-человечески, не пьянствовать (типа «за погибших друзей», обещая кого-то порвать), растить детей, любить своих женщин, беречь их, а не пугать «обострениями». Одним словом, быть людьми.

Удостоверение ветерана боевых действий, это корочка, которая вместе с правами накладывает ряд обязанностей. Ветеран, это образец гражданина, это человек, к которому особенное отношение в обществе, к его мнению прислушиваются, он на виду, его ставят в пример.

Боевые братья и сестры, давайте не будем забывать об этом.

Олег Булычев,
ветеран боевых действий,
ветеран Вагнера,
участник СВО

«Бархатный сезон». Литературная премия и фестиваль

В этом году редакция литературного альманаха «Полынья» проводит второй сезон Всероссийской литературной премии имени Наталии Леонидовны Дилакторской «Бархатный сезон 40+»

Как видно из названия, в конкурсном отборе принимают участие зрелые, сложившиеся авторы.

Почему мы обратились к этой возрастной категории? Вот своеобразный Манифест «Бархатного сезона»:

Мы верим, что литература не знает возраста, страха и забвения. Время — наш союзник, а не враг. Мы создаем творческое пространство для тех, кому за.., тех, кто чувствует в себе неиссякаемый источник творчества. Многие открывают в себе новые грани лишь достигнув зрелого возраста.

Мы хотим протянуть им руку. Как это делала наша землячка, Наталия Дилакторская — поэт, писатель, журналист, фронтовик, смелая женщина и верный друг. В непростые времена, когда все молчали, она поддержала

Зощенко и Ахматову, и своим творчеством даже в аду войны вдохновляла идти в бой, не сдаваться.

Мы знаем, что творчество не имеет возраста — оно живёт в сердце, вдохновляет и соединяет. Наш конкурс и фестиваль создан для тех, кто хочет делиться своими опытом, историями, мыслями и мечтами.

Мы ищем те тексты, которые не кричат с обложек, но от этого не становятся менее важными.

Мы говорим о войне, о мужестве, о любви к Родине — так, как это делала Наталия Дилакторская.

Второй сезон только начался — идет прием конкурсных рассказов. Но сегодня можно говорить о прошлом сезоне. В 2025 году на конкурс пришло около пятисот текстов. Согласитесь, для старта нового начинания это очень приличный результат. Значит, российские (и не только) писатели в нас поверили. Жюри работало очень напряженно.

Из рассказов-финалистов был сформирован сборник, а финалом премии стал однодневный фестиваль на площадке Дома писателя, где были вручены дипломы финалистам и лауреатам. В работе принимала участие внучатая племянница Н. Л. Дилакторской Елена Дилакторская (Суланга), за что мы очень ей благодарны. И наше сотрудничество продолжается.

У фестиваля есть и свой лозунг:

«Писать — лучший способ не исчезнуть».

Программа фестиваля была насыщенной. Иван Карасёв и Елена Суланга говорили о Натали Дилакторской, о ее детстве в городе Тотьма, о ее жизни в Ленинграде, фронте. Рассказ сопровождался небольшой фотовыставкой архивных фото, писем и рукописей из личного архива Елены Суланги. Писательский интенсив провели Елена Шумара (по короткой прозе) и Сергей Ачильдиев (по документальной прозе).

В новом сезоне мы объявили три номинации: «Защитник Отечества», «Человек дела» и «Сделать шаг». Нам кажется, что это наиболее актуальные на сегодня темы для художественной прозы. Арбитры второго сезона:

Лада Карицкая
Евгений Мирмович
Юрий Аганин
Алинда Ивлева
Ахмедхан Зирихгеран (Ахмедхан Кишов)

Итоги подведем, как и в прошлом сезоне на фестивале. Но будет это уже следующей весной.

Если вы пишете прозу, и вам близки темы, отраженные в номинациях «Бархатного сезона», приходите участвовать. Всю информацию можно найти здесь:

Юлия Карасёва,
главный редактор альманаха
«Полынья»

Лауреаты Беляевской премии 2026 года

27 сентября 2026 года новыми лауреатами Беляевской премии стали 19 человек. По многолетней традиции первыми были названы имена победителей в номинации «Восстановление справедливости» – тех ярких представителей русской фантастической литературы, творивших в те годы, когда премия зп фантастические произведения не присуждалась.

Первым лауреатом в номинации стал писатель-фантаст, филолог, поэт-бард, один из представителей «четвертой волны» отечественной фантастики **Евгений Лукин**.

Премия была присуждена ему за сборники «Чушь собачья», «С нами бот», «Тридцать три головы молодецкие», «Портрет кудесника в юности» и другие.

Евгений Лукин не смог лично присутствовать на церемонии из-за болезни, но прислал письмо со словами благодарности: «Радостно сознавать, что премия имени Беляева жива и вновь вручается писателям-фантастам. К сожалению, я не могу по состоянию здоровья присутствовать на церемонии вручения и искренне завидую вам, собравшимся здесь по столь замечательному поводу. Храните традиции, завещанные нам классиками отечественной фантастической литературы!»

Вторым писателем, в отношении которого восстанавливалась справедливость, стал писатель-фантаст, сценарист, блогер и колумнист **Сергей Лукьяненко**.

Сергей Васильевич называет жанр своих произведений «фантастикой жёсткого действия» или «фантастикой Пути». Премия была присуждена ему за циклы «Дозоры», «Соглашение», дилогию «Работа над ошибками/Функционал» и другие произведения.

Третье имя, озвученное на церемонии, хорошо известно читателям. Лауреатом Беляевки стал петербургский писатель и литературовед, ведущий научный сотрудник отдела древнерусской литературы Института русской литературы **Евгений Водолазкин**. Беляевской премией были отмечены книги Водолазкина «Авиатор», «Оправдание острова», «Лавр». Как он сам сказал в своём видеообращении к участникам церемонии «реальность – это та же фантастика. Только интересней».

Юлия Гладкая

Евгений Бербенцев

Валерию Масляеву

Валентины Саретт

Четвертый номинант – петербургский писатель **Тимур Максютов**, автор ряда фантастических, исторических, остросюжетных романов, а также книг для детей. Премией были отмечены его цикл «Солнечный витязь» и роман «Спасти космонавта».

Как отметил председатель Жюри Александр Железняков, вручавший награды в данной номинации, вспомнить всех и сразу, кто этого заслуживает, довольно трудно. Поэтому Оргкомитет Беляевской премии намерен и в последующие годы продолжить восстановление справедливости в отношении писателей-фантастов. Чьё имя будет названо следующим, мы узнаем уже на церемонии спустя год.

Вслед за мэтрами, премии в фантастических номинациях получали молодые писатели: Жюри сочло справедливым поощрить тех, у кого всё ещё впереди. Всего было подано 1759 заявок тех, кому не исполнилось 35 лет. Премией были отмечены пять фантастов:

- За продвижение вечных ценностей в номинации «Родина» была награждена **Юлия Гладкая** за детско-юношеский фантастический рассказ «Служба поиска».
- За успешный эксперимент в продвижении мифа в номинации «Миф» премию получил **Игорь Шенгальц** за фантастический роман «Герой по найму».
- В номинации «Социум» за фантастический роман «Контроль» был награждён **Евгений Бербенцев**.
- За сплав современной науки, технической перспективы и высокого гуманизма в номинации «Космос» Беляевская премия была присуждена **Валерию Масляеву** за фантастический роман «Станция Клондайк».
- В номинации «Премия чтецов» за детско-юношескую фантастическую повесть «Яйца бухтозавров» был награждён **Всеволод Бобров** с формулировкой «за исключительную доброту и позитивное мышление».

В номинации «За оригинальный вклад в развитие информационного общества», вручаемой за журналистские и публицистические материалы, посвященные реальным проектам в области искусственного интеллекта, лауреатом стал автор и ведущий программы «Технологии и тренды» **Иван Звягин**.

В номинации «За освещение и популяризацию развития науки, технологий и общества» лауреатом Беляевской премии стал генеральный директор Института искусственного интеллекта, декан факультета искусственного интеллекта Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова, профессор **Иван Оселедец** — второй по цитируемости российский математик, входящий в топ мировых цитирований.

В третьей «цифровой» номинации «За освещение и популяризацию развития науки, технологий и общества» награду получил руководитель раздела «Технологии в РГ» и автор канала «Токсичная цифра» **Олег Капранов**.

За серию книг «Традиции мастерства» о народном искусстве, лауреатом Беляевской премии стало **издательство «Бослен»**.

Две награды были присуждены в номинации «За наиболее интересные реализованные проекты». Беляевской премии была удостоена директор музея **Марина Линович**, а за интернет-проект «Сигнальный экземпляр» - писатель, книжный блогер и обозреватель, переводчик, журналист **Андрей Криволапов**.

Критики становились лауреатами Беляевской премии нечасто. Но в нынешнем году награда была присуждена Сергею Неграшу за его статьи и рецензии.

В номинации «За оригинальную серию публикаций просветительского характера в СМИ и онлайн-проектах» премия была присуждена библиографу Сектора редких книг и работы с книжными памятниками Национальной библиотеки Карелии **Елене Вознесенской**.

Лучшей книгой года была названа книга «Забытые гении научного мира» писательницы и научного журналиста, умеющей рассказывать о науке так же увлекательно, как писать художественные книги, **Валентины Саретт**. Она очень понятно объясняет сложные вещи и уделяет много внимания деталям, благодаря чему помогает многим людям полюбить науку.

Церемонию вручения премий завершила номинация памяти Андрея Балабухи. Её официальное наименование «За наставничество и значительный вклад в развитие литературы и искусства». И в нынешнем году её выбор пал на главного редактора и издателя журнала «Невский альманах», президента некоммерческого партнёрства литераторов «Родные просторы» **Владимира Скворцова**.

О большом и хорошем проекте

В рамках проекта «Литературный код Петербурга», который мы ведем с доктором филологических наук Татьяной Владимировной Нужной, в издательстве Союза писателей Петербурга совместно с издательством СПбГУ в октябре месяце выходит сборник статей ученых филологов о произведениях современных петербургских писателей. Прилагаю статью на эту тему в газете «Книжная лавка писателей».

Развивая проект «Литературный код Петербурга», мы планируем знакомство студентов филологических факультетов с творчеством современных петербургских писателей. В рамках учебного процесса студентам будут давать задание: выбрать одно из произведений и написать о нем эссе 3-4 страницы. Таким образом, мы побудим студентов прочитать хоть одну книгу наших писателей. Будет опубликован список писателей, принимающих участие в проекте, и студенты — да и преподаватели — узнают их имена. Лучшие эссе будут опубликованы в газете «Книжная лавка писателей», на сайте «Союза писателей Петербурга», на сайте газеты «На наш взгляд». В дальнейшем мы планируем выпустить книгу лучших молодежных эссе.

Для упрощения поиска произведений писателей мы создаем в облачном хранилище электронную «Книжную полку», куда студент сможет зайти и выбрать понравившееся ему произведение.

Прошу писателей, которые хотят принять участие в этом проекте, присылать свои произведения по адресу shpakovich_olga@list.ru

В формате Word или ПДФ. Размер произведения должен быть не менее 4 авторских листов, количество произведений и год выпуска не ограничены (в разумных пределах).

Партнеры проекта СПбГУ, СПбГУП, НИУ ВШЭ.

Будем охватывать и другие вузы. Не только студенты, но и преподаватели узнают имена современных петербургских писателей.

Сергей Арно

***

1. 18.10.2026 состоялась 33-я церемония вручения Царскосельской художественной премии.
2. 20.10. 2026 в арт-пространстве "Марс" состоялся творческий вечер С. Арно.

После войны

После войны территории бывшей Украины стали женским царством. Мужчины от восемнадцати до шестидесяти пяти либо погибли, либо лежали в госпиталях без рук и ног, либо ушли в подполье, но их было так мало, что каждая женщина знала каждую. Девушки взрослели без отцов, без братьев, без женихов. Города превратились в города вдов и матерей-одиночек, а поля засевали женщины с мозолистыми ладонями.

Власти, чтобы сохранить нацию, запустили программу «Новая жизнь». Они приглашали мужчин репродуктивного возраста из России и Белоруссии — не насильно, а по взаимному согласию. Приезжих кормили, селили в лучшие дома и предоставляли выбор: любая женщина, готовая родить, могла заключить с ними контракт на «содействие». Цена мужчины была космической — его готовность считалась даром Богов. Сотни грузчиков, водителей, строителей из дальних уголков России ехали сюда, чтобы помочь, заработать, а кто-то — чтобы просто почувствовать себя нужным.

Денис из Иркутска был грузчиком в речном порту. Тридцать четыре года, широченные плечи, лицо, обветренное байкальскими ветрами, и ни одной женщины, которая бы сказала ему «ты мне нужен». Он таскал ящики, пил чай с сушками и смотрел сериалы в одинокой квартире. Когда пришло предложение от программы, он засмеялся: «Кому я там нужен, лось сибирский?» Но, подумав, согласился. Денег платили много, а он всегда хотел увидеть украинскую землю — ту, которую показывали по телевизору в новостях, дымящуюся и чёрную.

Его отправили в Кировоград. Город, когда-то утопающий в зелени, теперь стоял серый и тихий. Женщины ходили в пальто с подпалинами, дети играли в развалинах, но на лицах читалась странная надежда — когда приезжал мужчина, по улице пробегал шёпот: «Гость, гость!» Денис чувствовал себя инопланетянином.

Ему назначили встречу с Оксаной. В анкете было написано: «34 года, бывшая модель, образование высшее, в браке не состояла, детей нет». Денис представил себе худую, высокую, холодную красавицу из глянца. Но когда она открыла дверь, он растерялся.

Перед ним стояла женщина в старой футболке и джинсах, с коротко стриженными волосами, с глазами, которые видели слишком много. Она была красива — той усталой красотой, которая не требует макияжа. Но её плечи были опущены, а руки слегка дрожали.

— Здравствуйте, — сказала она голосом, в котором звенела сталь. — Вы Денис? Проходите, я сварила борщ.

Они сидели на кухне, где на стенах висели старые фотографии: она в свадебном платье, но рядом никого; она с двумя мужчинами в военной форме — братья, как понял Денис; она с маленькой девочкой, но девочка исчезла с более поздних фото.

— Я потеряла всех, — сказала Оксана, глядя в тарелку. — Отца, двух братьев, жениха, дочку. Дочка умерла от болезни, потому что не было лекарств. А мужики мои погибли в окопах. Я осталась одна. А здесь, — она обвела рукой город, — каждая из нас одна. Мы больше не хотим войны. Мы хотим только одного — чтобы не прервалась жизнь. Чтобы кто-то родился, заплакал, засмеялся.

Она подняла на него глаза:

— Я не прошу тебя о любви. Я прошу тебя о ребёнке. Я не смогу любить тебя, ты не сможешь любить меня. Но ты можешь дать мне шанс стать матерью. Я выращу его, дам ему всё, что у меня есть.

Денис молчал. Он смотрел на неё и видел не модель, а женщину, которую война научила просить о самом простом — о продолжении рода. Он думал о своей жизни: о порте, о пустой комнате, о том, что за тридцать четыре года никто не смотрел на него с такой мольбой.

— Я не умею быть с женщинами, — выдавил он. — Я только ящики таскать умею. И чай пить.

Она улыбнулась впервые — слабо, но искренне:

— А я не умею быть моделью. У меня теперь руки в мозолях, я сорняки на огороде тягаю. Мы оба не умеем, но, может, научимся чему-то друг у друга?

Он остался. Сначала на три дня, потом на неделю. Они ходили по разрушенному городу, она показывала ему Кировоград — старинные церкви, которые устояли, и новые могилы, которых стало слишком много. Они говорили о жизни — о том, как он мечтал о море, а она о горах. О том, как он никогда не был женат, а она была помолвлена, но жених не вернулся из-под Мариуполя.

Их близость случилась не по контракту. Она случилась вечером, когда они пили чай с мятой, и Денис вдруг взял её руку в свою. Она не отняла. Он сказал:

«Оксана, я не знаю, что у нас выйдет. Но я хочу, чтобы ты была не просто контрактом. Ты — человек. И я, может быть, впервые в жизни чувствую, что нужен кому-то по-настоящему». Она заплакала, прижалась к его плечу и прошептала: «Ты уже нужен, Денис. Ты здесь, и это главное».

Через месяц она поняла, что беременна. Денис стоял у окна и смотрел на реку Ингул. Оксана подошла сзади, обняла его:

— Дам ему твою фамилию, если захочешь.

— Нет, — ответил он, обернувшись. — Я хочу, чтобы он носил твою фамилию. Это твоя земля, твой народ. Я просто помог. Но я останусь. Навсегда. Если ты позволишь.

Она засмеялась — звонко, почти по-девичьи:

— Ты же грузчик, ты не можешь здесь жить, у тебя работа.

— Работа есть везде, — сказал он. — А ты — одна. И я теперь тоже не один.

***

Прошло два года. Мальчик бегал по двору. Крепкий, черноволосый. Соседки, старые женщины, которые тоже когда-то ждали мужчин, говорили:

«Смотри, Оксана, как твой сын похож на отца!» И Оксана улыбалась, глядя на Дениса, который теперь не только грузчик — он строил новый дом, чинил крыши, возил детей в школу. Он стал местным героем. Не потому, что дал жизнь, а потому, что остался.

Война кончилась. Но жизнь началась заново — в маленьком дворике, где пахло яблоками, звучал детский смех и два взрослых человека, когда-то совсем чужие, сидели на скамейке и смотрели на закат.

— Спасибо, что приехал, — сказала она.

— Спасибо, что позволила остаться, — ответил он.

И они замолчали, потому что слова были лишними...

Евгений Буянин

Обо авторе

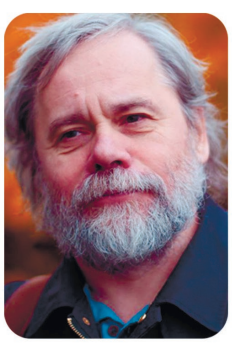
Поэт, писатель, композитор. Живет в Севастополе. Женат, воспитывает двух сыновей. Автор книг "Убей раба!" и "Гримасы души". На слова и музыку Евгения созданы 20 песен. В их числе «Бессмертный полк», «Севастополь», «Молитва перед боем» и «Русский Крым».

МЕРОПРИЯТИЯ В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ ПИСАТЕЛЕЙ

НОЯБРЬ

02.11 в 19:00 пн - **Кира Грозная** и **Валерий Попов**. Союз писателей России. Творческий вечер
05.11 в 19:00 чт - **«Переходный возраст: какие книги читают подростки»**.
Лекция издательства **«Антология»**. Презентация новинок.
06.11 в 19:00 пт - **Баир Иринчеев**, Презентация книги «Блокадный дневник Мэри Рид».
07.11 в 15:00 сб - Книжный клуб **«Группа №4»**. Обсуждение книги «Лавр» Е. Водолазкина.
10.10 в 19:00 вт - **СВЕТЛЫЕ ИГРЫ**. Презентация психологических игр издательства Svetlo.
12.11 в 18:00 чт - **Никита Трофимов**. Союз писателей России.
Презентация книги «Теория парных случаев».
13.11 в 19:00 пт - **Ренат Беккин**. Презентация книги «Дворник писателя Хармса».
17.11 в 19:00 вт - **Сергей Носов.** Союз писателей России.
Творческая встреча с писателем.
18.11 в 19:00 сп - **Александр Крештоп**. Презентация книги «Солдат Донбасса»
19.11 в 18:00 чт - **«Поэзия кино»**. Поэтический проект. Ведущий - **Роман Круглов** (СПР).
20.11 в 19:00 пт - **«ПутеХодители».** Ассамблея. Вечер ведёт **Мария Шоха**.
24.11 в 19:30 вт - Презентация альманаха **«Обратная точка»**.
25.11 в 19:00 ср - **Дмитрий Григорьев**. Встреча с детским писателем и палеонтологом, зав. Палеонтологическим музеем СПбГУ. Презентация книги «Палеонтологические каникулы». Изд-во «Антология»
26.11 в 19:00 чт - Переводчик **Н.Л. Рахманова**. Вечер памяти.
27.11 в 19:00 пт - **Кристина Тищенко, Александр Симоновский**. Прзентация книги «Шпроты в пруду».

Валерий Попов

Сергей Носов

РЕКОМЕНДУЕМ ПРИХОДИТЬ ЗА 20 МИНУТ ДО НАЧАЛА МЕРОПРИЯТИЯ В ЛЕКТОРИЙ.

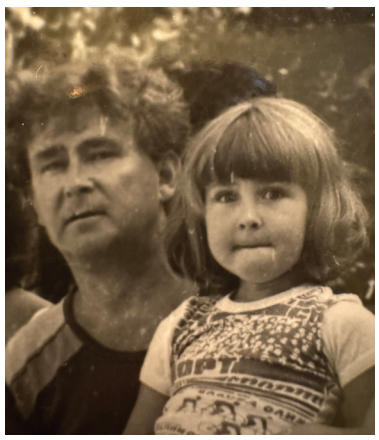
НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ, 66

ВХОД НА ВСЕ МЕРОПРИЯТИЯ СВОБОДНЫЙ!

ВНИМАНИЕ!

В программе мероприятий возможны изменения. Следите за актуальной информацией на сайте **www.lavkapisateley.spb.ru**

Он научил меня любить тишину

Было четыре основных направления, куда ежегодно мы ездили с отцом вдвоем: в Москву к друзьям на Старый Арбат, в Новороссийск к бабушке, а оттуда в Крым — в Дом творчества «Коктебель» и, наконец, в Тетёрки — на нашу семейную дачу под Витебском. Последнее из направлений было, на мой взгляд, наиболее важным с точки зрения творческого процесса. Именно там отец ежегодно писал «свою сотню», то есть сто обязательных стихотворений. Сидел там безвылазно все лето и до поздней осени. Затем, с полными тетрадями стихов, возвращался в Ленинград.

В Тетёрках были созданы такие сборники его стихов, как «Новое лето» (1971), «Возвращение в дом» (1974), «Стихотворения» (1975), «Видения на холмах» (1977) и др. За цикл «Белорусская тетрадь» (1969—1994) отец был удостоен в 2012 г. премии Союзного государства в области литературы и искусства. Это место действительно располагало к погружению в размышления и к творческой концентрации. Представьте... Маленький ярко-желтый дом с веселой зеленой верандой, окруженный яблоневым садом, кустами смородины и крыжовника; с трех сторон — дорога (знаменитый Великолукский тракт) и овраг, окаймленные зарослями малины, с четвертой стороны — высоченный берег Двины. С крыши дома видна река и другой берег — деревня Барвин перевоз.

Можно сказать, что отец сам создал дачу в Тетёрках. Когда моему деду дали участок, отец строил домик вместе со всеми: выкорчевывал пни, пилил доски, носил стройматериалы. Он полюбил это место и затем постоянно приезжал в Тетёрки, чтобы побыть в одиночестве, в тишине, чтобы сосредоточиться.

В летние месяцы мы, так сказать, делили время на даче. Он проводил там все дни с понедельника по пятницу. Когда же к вечеру пятницы врывалась наша большая шумная семья, он сбегал в Витебск, и возвращался к вечеру воскресенья.

Мне везло: он время от времени брал меня с собой на всю неделю. Никогда на даче не было так тихо, как в эти дни. Только стук печатной машинки слышался да пение птиц. Именно там он научил меня любить тишину.

После завтрака мы выходили в сад, и отец буквально заставлял меня внимательно смотреть на природу, на ее красоту: «Ты вглядывайся! Вот настоящая красота, а не эти твои плееры да джинсы с кроссовками!» И я внимательно разглядывала яблони и сливы, кусты смородины и крыжовника, я опускалась ближе к земле, чтобы подробно, во всех деталях, рассмотреть землянику, клубнику, пробивающуюся из-под земли картошку, капусту.

Нередко, обычно после обеда или ближе к вечеру, мы ходили в лес. То и дело к нам присоединялись мои друзья с соседних дач — «летние дети», как называл их, да и меня в том числе, отец. Леса под Витебском огромные! Это целая отдельная вселенная. Нескончаемый лабиринт. Запутаться в них ничего не стоит. Отец же ориентировался в лесу как у себя дома, словно в его жилах текла партизанская кровь. Вел нас в самые тайники: то на поляну с земляникой, то в малинник, то к озеру. И здесь он не переставая говорил о красоте природы. Мы смотрели во все глаза, пытались увидеть то, что видел он. Но, думаю, каждый из нас все же видел что-то свое. Каждый находил свое особенное дерево, свою уникальную тропинку, слышал свои, непередаваемые звуки леса: крик совы, стук дятла, пение птиц, жужжание пчел и шмелей, писк комаров. Но главное — он заставлял нас вглядываться во все это, осознавать, что рядом с городской цивилизацией существует колоссальный природный мир красоты!

В Тетёрках я наслаждалась кулинарными способностями отца. Дома в Ленинграде он готовил очень редко, и в основном супы. А готовил он как настоящий повар! Набил руку в геологических экспедициях. Тут же, на лоне природы, он радовал мясными и рыбными блюдами, различными салатами. Он удивительно вкусно солил огурцы! Он хранил какой-то особенный камень, которым из года в год подпирал огурцы, веточки укропа, чеснок, листья черной смородины и еще какую-то удивительную зелень, от которой это простейшее блюдо обретало невероятный вкус. Настолько неизгладимый, что я помню его до сих пор.

Большое значение в нашей дачной жизни имела река — Западная Двина. По большей части на берегу собирались дети. Я проводила у воды по несколько часов. Отец тоже спускался вниз, чтобы позвать меня домой. А иногда мы шли с ним по берегу, любуясь быстрым течением реки, камнями, по которым струилась вода, высоким крутым берегом, заросшим непроницаемой сетью кустарника.

Очень давно, когда я еще была совсем маленькой, периодически дорогу на Тетёрки перекрывали, и приходилось приезжать на дачу через Барвин перевоз. В небольшой заводи, под самым домом, стояло несколько лодок. Одна из них принадлежала нам. Мы кричали с противоположного берега отцу, он всегда нас слышал, спускался вниз, садился в лодку и плыл за нами. Каким бы жарким ни был день, вода всегда была ртутно-серой, холодной, от весел летели ледяные брызги. Все о чем-то без умолку говорили, а я все смотрела вниз, пытаясь заметить проплывающую рыбу.

Рыбалка была особой стороной жизни в тех краях. Мы с двоюродным братом и друзьями ловили на Двине, а также ходили в лес и на пруды в совхоз. Ловили много. Хватало и на уху, и на засушивание. Все радовались нашему улову, кроме отца. Он каждый раз мрачнел и как-то отрешенно опускал глаза. Когда народ расходился, он говорил мне: «Неужели ты не видишь, что им больно?!» Я долго не могла понять, о чем он толкует. Но однажды, уже в позднем подростковом возрасте, пригляделась, посмотрела рыбе в глаза и отчетливо увидела в них боль, увидела кровь и поняла, что эта кровь ничем не отличается от человеческой. С тех пор я больше не ловлю. Отец добился того, чтобы одним рыбаком на свете стало меньше.

В книге «Остывшие следы» (1991) отец с сожалением пишет о том, что в Тетёрках «дедушки иссякли. Все, до единого». Да, думаю, что все дедушки из этих краев так и остались совсем молодыми, погибли в партизанских отрядах или на фронте. Витебск был под немцами. После войны многие мужчины не вернулись назад. Также отец сетовал на то, что люди в Тетёрках рано старели («дедушки-скороспелки»): условия жизни были сложными, крестьянский труд подрывал здоровье. Действительно, пятидесятилетние женщины и мужчины выглядели там стариками. Отец любил общаться с местными жителями. Почти каждый день мы ходили к тете Эрне за молоком и творогом, она жила совсем близко, нужно было только на пригорок взобраться. Еще он общался с Леней. Он помнил его еще мальчиком, когда тот перевозил отца из Барвина в Тетёрки по реке. Когда Леня заходил к нам, они общались как самые близкие друзья. Отец очень тонко чувствовал местных людей, понимал их проблемы как свои.

Важно вспомнить еще одну деталь. Прямо рядом с дачей, через дорогу, располагалось (и существует до сих пор) деревенское кладбище. Я в детстве до ужаса боялась этого соседства. Ночью мне казалось, что в мое окно смотрят мертвецы. Я кричала, бежала вниз к отцу. Он меня успокаивал и говорил: «Не бойся мертвецов... Бойся живых. Мертвецы не тронут». В те годы я не до конца понимала, о чем он говорит. Спустя время стало ясно, насколько он был прав.

Прошло много лет с тех прекрасных летних дней. В конце 2010-х годов наши дачи затопили, выстроив на Двине плотинную электростанцию. Из всего, что было раньше, осталось только кладбище и несколько верхних дач. Когда мы бываем на могилах бабушки и деда, я каждый раз смотрю вниз, туда, где более двадцати лет назад был наш сад, где мы с отцом сидели на скамейке перед домом, где цвели яблони. Теперь там вода. Оставшийся кусок суши мне напоминает обрубленный кусок человеческого тела... без рук и ног... Единственное, что удалось сохранить, — это сам дом. Его перевезли в лес, расположенный по соседству с деревней. Моя тетя сохранила все: комнату, где отец жил, его «фреску» из газетных вырезок на стене, его письменный стол. Над столом висит фотография отца на скамейке перед домом на старом участке. Он смотрит пристально из прошлого. И думаю, что он радуется тому, что мы о нем помним.

***

Осень. Копают картошку.

Жгут в огороде ботву.
Все-таки грустно немножко
в этом моем «наяву».

Поле, как после болезни:
стрижено-брито... В лесу
за ночь деревья облезли,
листья — внизу.

Лает собака. Причина:
вышел мужик на крыльцо.
Птица, едва различима,
чертит кольцо.

Вот и не пишется... Зябко.
Печь затопи, дуралей!
Ну а стихи — на растопку,
чтобы теплей...
(Г. Я. Горбовский, 1970)

Светлана Горбовская

Возвращение

Из кабины несущегося, поднимая пыльный шлейф, УАЗа водитель настойчиво тыкал указательным пальцем в голубое прозрачное до глубины небо. УАЗ, проскочив навстречу, мышью нырнул в заросли лесопосадки. В затуманенном пылью заднем стекле НИВЫ, ныряя в оставляемый машиной пыльный хвост, рыская вправо-влево, плыл Х-образный дрон. Кащей, пригнувшись за рулем, гнал внедорожник на неприличной для разбитой грунтовой дороге скорости. Подпрыгивая мячиком и гремя всеми своими стальными сочленениями, машинка убегала от смерти. Тускло мерцая прибавляющимися делениями на шкале приближения опасности, усиленно сверля нервы и мозг звуковым сигналом, вибрировал дрон-детектор.

— Не уйдем, съезжай с дороги в кусты — крикнул «Тропа».

Вильнув, НИВА нырнула в кусты. Мимо, укрывая нас пылью, хлопая развевающимся сзади незакрепленным тентом, словно всадник апокалипсиса, пронеслась «буханка» Хазара. Скрипнули, распахиваясь, двери Нивы, щелкнули, откидываясь, передние сидения, «Тропа» как куклу выдернул меня с заднего сидения, и мы втроем, царапая руки и лица, вломились в плотные заросли акации. Буханка исчезла в зарослях с противоположной стороны дороги под прикрытием МОГа. Немного побарахтавшись среди колючих веток, подняв тучу пыли, я скатился в разбитый взрывом старый окоп и сопровождаемый усиливающимся зудом детектора проскользнул под потолок чуть прикрытого досками укрытия. Хлипко, но хоть так. Крутя замысловатые восьмерки, будто купаясь в синем небе, плавал Х. Пулеметы МОГа молчали, слишком маленькая цель и слишком высоко. Сидя в пропахшем плесенью и прелью полузасыпанной щели и глядя на кружащую, выискивающую цель смерть, я живо представил сюжет картины, прочитанный в какой-то книге о Великой Отечественной войне. Лежащие в укрытии красноармейцы наблюдают за высоко кружащим в небе немецким самолетом-разведчиком Foke-Wulf 189, прозванный солдатами «рама». Тогда «рама», сейчас «икс», промелькнуло в голове сравнение. Не обнаружив достойной цели, «икс», клюнув вниз, ушел назад по дороге. Сигнал детектора стал замедляться, удаление росло. Через несколько минут вдалеке раздался безобидный хлопок. Черной свечой, марая чистое небо, поднялся столб дыма. Кого-то нашел.

Рация ожила отбоем опасности. Кутаясь в пыли, машины понеслись к мертвому поселку. Коротко махнув «салам» парням на блоке у въезда, машины заскрипели по улицам. В который раз за эти дни, петляя по пустым, засыпанным битым стеклом, мусором и кирпичом улочкам я думал об убитом городе. Пробираясь среди полуразрушенных, зияющих пустыми провалами окон домов. Всматриваясь в истерзанные стволы тополей на некогда ровных аллеях, я видел эти залитые солнцем улицы, заполненные спешащими с работы и гуляющими жителями. Заваленные снарядными ящиками клумбы в моих видениях пестрели алыми маками и тюльпанами. По ныне погруженному в зловещую тишину, изредка нарушаемую залпами артиллерийских и ракетных установок, городу плыла музыка свадебного гуляния. Вчера, отрабатывая объект в разрушенном доме, я нашел старую чёрно-белую свадебную фотографию. Невеста в сказочном платье, серьезный жених при костюме и галстуке, смеющиеся гости. Где все эти люди, живы ли? Раздирающим душу скрежетом, погребальным саваном надежд скрип двух сваренных капотов грузовиков, зацепленных за буханкой. Рваные покачивания испачканных грязью и пылью черных мешков, через которые с трудом прорисовываются силуэты человеческих тел. Сложенные штабелями в чудом уцелевшем гараже, превращенном в полевой морг, покрытые толстым черным полиэтиленом мешков лежат мечты, надежды, планы, свершения, открытия, убитые вселенные несвершившегося.

Что делаем здесь в этом царстве тишины и смерти мы живые? Те, кто, чудом уцелев, оставив здоровье и душу на этой войне, зачем вновь мы вернулись сюда? «Тропа», «Кащей». «Хазар», «Немец», «Турист», «Лесник», «Граф», «Стас», «Кострома», «Омск», «Алтай» другие мужики и парни. Зачем раз за разом возвращаемся в пропитанную трупными миазмами напряженную фронтовую тишину? Под невольно прижимающим к земле ревом выходов «Урагана», как под звуки последнего салюта, укладываются на наш самодельный катафалк очередные извлеченные из руин тела. Полный мешок, полупустой, где лишь половина растерзанного сталью тела, маленький, женщина или ребенок, опять полный. Кого-то рвет, выворачивая до судорог в желудке внутренности. Без подначек и шуток человеку подают воду. Это работа. Да, такая странная и многим кажущаяся страшной и ненужной работа. Мы пришли за своими. Пришли осознанно и честно. Сами посмотрев в глаза смерти, уважая ее мертвую тишину, мы пришли победить неизвестность, вытоптать и уничтожить безвестие. Поскрипывание рессор и скрежет железа по асфальту, качающиеся черные мешки, легкий шорох шагов, идущих за машиной людей. Призраками, тенями на звук из развалин выглядывают выжившие люди. Вслед летит тихое: «Спасибо, Вам парни!».

Раскуроченная попаданием квартира. Среди цементной и кирпичной пыли, среди брошенных некогда ярких вещей и предметов красиво вырезанная из дерева табличка «Семья Шаповаловых». Где они? Живы ли?

В городе по характеру разрушений очень просто понять, откуда велся огонь. Кто стрелял из тяжелых орудий по мирным домам и квартирам. А в голове крутится одно. За что? Почему? Почему, провозглашая эту землю своей, новая украинская власть, не задумываясь, массово убивает своих граждан? Наверное, потому что их новым Европейским и Американским, и еще каким-то там западным хозяевам не нужно народонаселение, им нужна лишь земля и ресурсы. Нужны шахты, заводы, карьеры и совсем не нужны люди. Особенно говорящие и думающие по-русски.

Разодранная осколками солдатская куртка в родном цифровом пикселе, сломанная пополам жутким ударом керамическая плита бронежилета. Несколько обугленных костей под листом поломанного шифера. Все, что осталось от человека, на этой земле. Пусть так, но теперь у него будет могила. Будет место куда придут, поклоняться его дети и внуки и, если мы живые не отступим, будет память и правда об этой войне.

Рация, шипя, плюет в эфир: «Воздух». Потревоженными муравьями люди ныряют в норы и укрытия. Шелестя, раскручиваются винты «Елки». Со щелчком дрон-перехватчик уходит в голубое небо, постепенно из ракеты превращаясь в точку. Хлопок, и серая клякса разрыва пятнает небесную синь. Рация вновь шипит: «Отбой».

Покрытые грязью и пылью люди спешат в руины. Скрежет разрываемой арматуры и грохот осыпающихся перекрытий. Солнце выдавливает из тела ручьи соленого пота. Где-то там в глубине прикрытый сложившимися тоннами бетона лежит солдат — чей-то сын, отец, муж. Загнать сюда кран или экскаватор невозможно, мирная техника тут же становится целью для украинских вояк, им и их хозяевам категорически не нужно, чтобы сюда пришел мир и люди жили в человеческих условиях. Им нужно изгнать отсюда мир и людей.

Черным столбом над дорогой дым, ярким костром пылает на дороге «Урал», пламя воя пожирает кабину и кузов. Вот еще кого-то настигла смерть. Машины, быстро проскакивая открытку, опять ныряют в тишину узких улиц. Снесенный почти до основания дом, где после попадания в БК исчезло двое. Раскиданные взрывом по всему двору противопехотные мины. Сапер в защитном костюме, похожий на очень грязного космонавта, аккуратно обезвреживает и собирает найденное. И это тоже война. Война за будущую тишину. Во дворе опустевшей многоэтажки сверкающими цилиндриками блестят «колокольчики». Боеприпасы от «западной» кассетной боевой части. Во дворе многоэтажки! Ни раньше, ни сейчас здесь не было наших военных. Страшно идти по раненой земле. Страшно думать о том, что эту землю хотят убить, навсегда уничтожив людей. Некому будет спасти и оживить землю.

Тяжело переваливаясь на рытвинах разбитой дороги, отражаясь глубокой чернотой полиэтиленовых мешков, уложенных под крыши кузовов, из мертвого города уходят две машины. Скоро будет поставлена точка в судьбах десятков людей, и Души сотен людей, отслужив тризны, затихнут в тихой скорби. Перестанут метаться разрываемые неизвестностью. Ноющая рана в Душе постепенно зарубцуется. А память утешит будущее. Русские не бросают своих. Русские возвращаются и за живыми, и за павшими. А еще русские не прощают, и все даже самые долгие войны заканчиваются на руинах домов тех, кто их разжигает. На руинах дом истинных врагов, как бы хорошо они ни прятались в тени.

Сергей Мачинский

Об авторе

Сергей Мачинский — писатель, подполковник в отставке, участник СВО. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Офицер с двадцатипятилетним стажем службы в ВС РФ. Происходящее на Украине для автора началось на "майдане" зимой 2013 года. Потом был Крым в 2014 и первая командировка на Донбасс в далеком 2015 году. Сегодня он работает на передовой как военный журналист, корреспондент "Боевой Газеты" издательского дома «Комсомольская правда» и спецпредставитель Губернатора Ленинградской области в зоне СВО.

За плечами автора — многолетняя работа по увековечению памяти павших защитников Отечества, руководство поисковыми отрядами. Сотни установленных судеб солдат и офицеров пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны и во всех остальных конфликтах на территории бывшего СССР.

Человек, который видел самые страшные лики войны, знает цену офицерской чести и видит историю, которая вершится прямо сейчас на наших глазах.

«…союз поэтов меж собой связует»

Петербургские поэты — самые частые гости Книжной Лавки писателей. Они читают стихи, делятся творческими планами, проводят беседы о литературных направлениях, особенностях языка и стиля. С сегодняшнего дня аудитория читателей возрастает до двух тысяч человек — ровно такой тираж нашей газеты, где из месяца в месяц станет выходить поэтическая страница.

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
А. С. Пушкин

Марианна СОЛОМКО

***

Консерваторские старушки
В концертном зале Глазунова —
Как в гнёздах жухлые кукушки —
Плоды отчаянья лесного,
С когда-то яркими глазами,
Где искры — солнечная шалость…
Рахманиновская гроза ли
Теперь их снова воскрешала?
Старинной памяти купанье
В воспоминаниях и грёзах
Их просит ласковою ланью
Забыть о всех метаморфозах.
Когда б диезы и бемоли,
Паваны, жиги, пассакальи
Изжили старческие боли
На прежней страсти зубоскалье,
Тогда б их сумрачные судьбы
Окончились без дна и страха:
Им крепом сладким — да на грудь бы —
Фантазию и фугу Баха.

Михаил АНИКИН

ЛИХОЛЕТЬЕ

Кому нужны твои стихи
В нестихотворную эпоху?
У каждого свои грехи,
Им не до лирики, им — плохо.

Когда сплошной кордебалет
На всех экранах и подмостках,
Кого пробудишь ты, поэт,
Своей полуподпольной вёрсткой?

Потом, когда твой век пройдёт,
Возможно, кто-нибудь отметит,
А нынче всякий стихоплёт
И сам готов творить куплеты.

Ему понятья не дано,
Насколько тяжек крест пиита…
Играет словом, а в окно
Уже зима глядит сердито.

***

Под северным небом родился и жил,
Под северным небом отчизне служил.
Под северным небом я встретил тебя,
А мог бы не встретить, и жил бы,
скорбя.
А нынче я жизнью доволен вполне,
Хоть многое в ней не по мне,
не по мне…
Но жизнь ведь не пряник,
чтоб сладкою быть,
Сумейте её каждый миг полюбить.
Она и в печалях прекрасна во всем,
Как роза в морозы, как храм за окном.

Алексей АХМАТОВ

СМОЛЬНЫЙ СОБОР

Куда тягаться нам с природой.
Но обучается с азов
Керамика легчайших сводов
Архитектуре облаков.

А небо строго параллельно
Воздушным светлым куполам.
Здесь Стасов дописал Растрелли.
Внося поправки тут и там.

Но им как будто не до спора —
И так их линии легки.
В бисквите Смольного собора
Застыли окон пузырьки.

Он выкрашен небесной краской,
Умыта даль, Нева чиста,
И ласточка вокруг креста
Замкнула круг небезопасно.

***

Я знаю только то, что я могу
Произнести на языке скудельном,
И толком сформулировав в мозгу,
Поведать четко и членораздельно.
О чем сказать нельзя, не вижу я
Да и представить просто не умею,
Пространства вещество, как хлеб
жуя,
О сущем представление имею.
И ощущаю мир лишь языком.
Так животом дорогу зрит улитка:
Что ею не усвоено ползком,
То в этом мире — лишь фантом,
ошибка!
Весь свет вокруг творится языком.
Как нёбо, им ощупываю небо
И глажу землю, доверяя слепо
Лишь зренью слова. И стою на том.

Владимир МОРОЗОВ

СВЕТ РОССИИ

Моя возвышенная Муза,
Иллюзия судьбы моей,
Я — сын Советского Союза
И внук калининских полей.
И это всё — в душе навеки
Запечатлелось, и досель
Я вижу в каждом человеке
И русский дух, и русский хмель.
Всю боль России понимая,
Как скорбь кладбищенских крестов,
Я проходил и сам по краю,
И повторить сто раз готов
Дорог немыслимые сини.
Но, замерзая и кляня
Судьбу, я был певцом России
Всегда… И пусть потом меня
Забудет новое приволье,
Эпоха вычеркнет, смеясь,
Слова, написанные кровью,
Втоптав в расхлябанную грязь.
Но всё равно, пока живу я,
Пока дышу — в моей строке
Руси-России «Аллилуйя!»
Звучит на русском языке.

***

Не хлебом единым, не словом благим
Россия жива… А великим молчаньем
Росы, что от ветра по листьям тугим
Упала на землю неслышным звучаньем —
В себе отражая белёсую тень
Дымов над домами, пронизанных светом.
Россия огнями своих деревень
Жива, да на время забыла об этом.

Всеволод ГУРЕВИЧ

***

Зима. Отрадно. Чёрно-бело.
Как нас учили: правда, ложь,
Добро и зло, душа и тело,
Земля и снег, луна и грош.

И, дабы прояснить наглядно,
Афиши призовут в кино:
Там будет всё, что непонятно, —
Понятно и предрешено.

Но как мелькают полу-тени,
Когда, ступая в чей-то след,
Путём банальнейших сомнений
Поводыри ведут на свет!..

Идём и незаметно прячем
И смех, и слёзы в воротник…
И полу-прячем с полу-плачем
Свой полушёпот в полу-крик.

***

В твоих глазах веселье, смех —
Мы оба помним, ты вчера
Проговорилась: «Не для всех
Молчащих звуков череда».
Игра? Шальной — наотмашь —
взгляд!
Я, шишел-мышел, вышел в ночь…
Взял взгляд и сам был взглядом взят,
И мне теперь — совсем!.. — невмочь
Преодолеть волшебный мир
И выбрать будничный уют,
Удобно узнанный — до дыр,
Где мысли мышками снуют

Юрий САННИКОВ

***

Костры горят у переправы
Бесплодны: чёрная земля,
И величавые дубравы,
И опустевшие поля.

Луна над сломанной берёзой,
Пар над водою ледяной…
И тянутся, скрипят обозы,
И пахнет кровью и бедой.

Грызутся и рычат собаки…
Достав и флягу, и табак,
Прилёг солдат на бивуаке,
Хлебнув из чарки натощак.

Ещё в дороге кашевары…
Забыв о драке и пальбе,
Вот-вот откупорят гусары
Бутыль шипучего в избе.

И знать судьбы предначертанье
Им, слава Богу, не дано…
Над мёртвыми луны сиянье…
Темно вокруг, темным-темно.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Софье Санниковой

На реке туман. Слышен плеск весла.
За окном скрипит старая сосна.

Рыбаки плывут по ночной реке.
Плещет под луной рыба в тростнике.

Тени на стене. Гаснут облака.
Стынет на окне кружка молока.

Я спою тебе, лампу потушив.
Спи, мой мотылёк, крылышки сложив.

Тимофей ЖИВОТОВСКИЙ

ИВАН-ЧАЙ

Напишу про тебя, иван-чай —
Ты меня вдохновил невзначай
И владенья свои распростёр,
Августовской жары господин!
Но опять замирает простор
Перед вьюжной страной холодин.

Перед этой громадой снежин…
(Если в бане — то пару поддай!)
Там, где летом плескался Ужин,
На котором купался Валдай,
И забытых селений миры —
Житня, Яблонька, Нива, Муры…

Там поэт, в бесконечной глуши,
Вновь приходит к себе в Мокуши,
По тропинке, с которой знаком,
С автостопным своим рюкзаком,
И кричит по привычке: «Встречай!»
А навстречу цветёт иван-чай.

ФИРМА ЛЕТА

Вот яблоневый сад, взлелеявший поэта,
В районе парников исхоженный не раз
У территории известной фирмы "Лето"…
И город кончился. Лыжня ломает наст.
Над Пулковской горой — туманная корона,
И у подножия гранитный водопой…
Покинув парники, сотрудники Харона
Поднимутся на склон заснеженной тропой,
Любимою тропой счастливого поэта,
Не ведавшего бед, сомнений и досад,
Которые, журча, смывает фирма Лета
Бегущая к морям сквозь яблоневый сад.

Татьяна ТИТОВА

К МОРЮ

Поедем к морю в несезон,
захватим солнце отрешённо
для настроенья и — в дешёвый
отель, где виден горизонт.

Там по утрам — под серый гул
волн будет поздний завтрак
подан,
там возвращаться будем поздно,
оставив свет на берегу.

Он будет тут же смыт волной,
лишь отойдём, не оглянувшись.
Нам подаваем будет ужин
приветливою тишиной.

И так пройдет десятки зим,
их не заметим, если скажешь —
поедем к морю… Если даже
нам море холодом грозит.

***

В чём смысл искать прикажете,
когда расцветёт вот-вот
таинственный образ саженца
под шум пробуждённых вод?
До смысла ль ему, до разума ль —
от солнечного тепла?
Он вырастет, всех порадует-
в саду на краю села.
От зимнего сорта яблони
хозяин привил дичок,
последняя — помню — папина,
быть может, жива ещё…
Давненько в саду заброшенном
затихла его гармонь.
А жизнь, почитай, уж прожита,
неясная мне самой.

«Книжная лавка писателей» предлагает

Маргарита Симоньян «Непервая любовь. Исповедь горя и радости»

Новая книга Маргариты Симоньян — это роман, в котором нет ни одного придуманного слова. Исповедь о рождении их любви с Тиграном Кеосаяном и его смерти, о своей болезни, об известных и неизвестных людях.

Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский «Служебный роман»

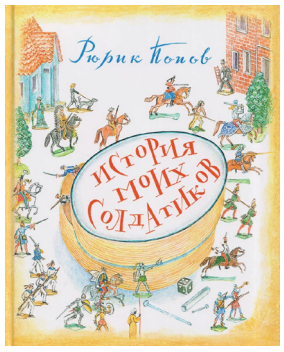
Иллюстрированное подарочное издание к полувековому юбилею «Служебного романа» включает как одноименную киноповесть, так и пьесу «Сослуживцы», ставшую основой фильма. И конечно — кадры, фотографии и памятные фрагменты прошлого.

Эндрю Д. Кауфман «Жена игрока»

История Анны Достоевской — второй жены писателя Фёдора Достоевского и первой в России женщины-издательницы. Опираясь на дневники, письма и другие архивные источники, писатель рассказывает об одном из самых увлекательных браков в истории литературы.

Рюрик Попов «История моих солдатиков»

Увлечение оловянными солдатиками было традиционным для петербургских мальчишек в конце XIX и на всём протяжении XX века. Через историю солдатиков писатель и художник Рюрик Попов говорит об истории своей семьи и истории нашей страны.

Александр Коваленко «Путь Ленинградской победы»

В книге в контексте общего хода Великой Отечественной войны рассказывается о важнейших военно-исторических событиях 1942–1944 годов, которые в итоге привели к снятию блокады Ленинграда и полному освобождению Ленинградской области от фашистских захватчиков.

Альберт Измайлов «Я иду судьбе на встречу»

В своем творчестве Александр Кондратьев, литератор Серебряного века, укреплял вязи цивилизации русского, славянского мира с древней античной цивилизацией. Эта книга о нём — полузабытом писателе, без которого литературное поле Серебряного века не будет полным.

Анатолий Штомпель «Угрозыск идет по следу»

Документальный детектив петербургского журналиста и бывшего сотрудника МВД СССР и РФ посвящен нелегкому труду оперативных работников органов внутренних дел Ленинграда — Санкт-Петербурга.

Ирина Одоевцева «На берегах Невы»

Подарочное издание мемуарной книги. Эта книга — памятник эпохе, ее живое свидетельство — читается с огромным интересом. На ее страницах предстают Николай Гумилев, Анна Ахматова, Георгий Иванов, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский и др.

Виталий фон Ланге, Иван Склауни «Преступный мир»

В первой части книги публикуются воспоминания Виталия фон Ланге, который за свою долгую службу прошел путь от околоточного надзирателя до заместителя начальника одесской сыскной полиции. Вторую часть составили записки Ивана Склауни, в конце 1890-х годов возглавлявшего сыск в Ростове-на-Дону.

Артур Шигапов. «Город, которого нет. Припять — путешествие в зону отчуждения».

Автор шаг за шагом ведет читателя по заброшенным улицам и объектам зоны отчуждения, делится личным опытом организации поездки, рассказывает о правилах безопасности, негласных законах этого места и неожиданных открытиях, которые ждут за официальными маршрутами.

Евгений Анисимов «Тайны рождения великого города»

Шесть новелл раскрывают, как северо-запад Руси из спорной пограничной территории, где сходились интересы разных держав и постоянно вспыхивали войны, превратился в пространство имперского города у Невы.

Полина Любцева «Легенды Петроградки»

Эта книга рассказывает о мифах и тайных сюжетах Петроградки: о домах балерин и великих князей, о мистике Серебряного века, о художниках и поэтах, о «Призраке Революции», который до сих пор бродит по улицам района. Здесь с фасада доходного дома улыбается Мефистофель, снятся вещие сны и принимаются судьбоносные решения.

Книжная Лавка Писателей

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ

Газета «Книжная лавка писателей» является печатным органом Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России и Союза писателей Санкт-Петербурга. Готовится при содействии СПБ ГКУ «Дом писателя».

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному федеральному округу.

Свидетельство **ПИ № ТУ-7801897** от 13 июля 2016 г.

Учредитель: АНО «Книжная лавка писателей», Санкт-Петербург, Невский пр., д. 66.
Издатель: АНО «Книжная лавка писателей», Санкт-Петербург, Невский пр., д. 66.
Главный редактор: А. М. Буровский.
Редколлегия: С. И. Ачильдиев, А. М. Буровский, Т. В. Нужная, А. А. Смирнов, О. В. Солод, В. П. Федоров

Адрес издателя:
191023, СПб, Невский пр., д. 66.
Телефон: +7 (812) 640-44-06
http://www.lavkapisateley.spb.ru
Распространяется бесплатно!

Отпечатано в типографии:
ООО «Типографский комплекс «Девиз», 190020, Санкт-Петербург, вн. тер. г. МО Екатерингофский, наб. Обводного канала, д. 138, к. 1, литера В, пом. 4-Н-6-часть, ком. 311-часть.

№ ДБ-0081/125 от 28 сентября 2026 г. Тираж 2000 экз.

Перепечатка, использование материалов частично или полностью без разрешения редакции ЗАПРЕЩЕНЫ.

Точка зрения обозревателей не обязательно совпадает с позицией редакции газеты.

Все рекламируемые товары и услуги имеют необходимые лицензии и сертификаты.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, размещенной в рекламных материалах.